

Александр Наумов

ДЫШАТЬ
ВМЕСТЕ
С НЕЙ

Александр Наумов
Дышать вместе с ней

«Издательские решения»

Наумов А.

Дышать вместе с ней / А. Наумов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935779-3

Взглянув на небо, она увидела, как два самолета пролетели очень рядом. Самолеты уже улетели, а след их пересечения еще долгое время оставался в небе, медленно превращая настоящее в прошлое и растворяясь в нем. «Интересно, а пересекаясь в небе, суждено пересечься в жизни?» — подумала она. Два самолета, две судьбы, два города, но небо-то одно, и оно на один лишь миг соединило два разных пути. Подарит ли им жизнь еще раз такой шанс? Вдруг однажды он войдет в самолет, в котором сидит она...

ISBN 978-5-44-935779-3

© Наумов А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	7
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дышать вместе с ней

Александр Наумов

© Александр Наумов, 2020

ISBN 978-5-4493-5779-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С ЛЮБОВЬЮ К МОИМ РОДИТЕЛЯМ

ПРОЛОГ

Бывают же такие дни, когда холод лезет под кожу. Так настойчиво и неприветливо. И ему все равно, что ты его не звал.

Она сидела в кафе, и вроде бы внутри помещения была комфортная температура, но только не для нее. Наверное, этот холод шел изнутри. Это было состояние, когда снаружи все хорошо, а внутри тебя буря эмоций, непониманий и нежелания уже что-то менять.

«Почему?» – это единственное, что заполняло ее голову сейчас. «Почему он так со мной поступает?» Каждая мысль о нем, будто лезвие, оголяла то, что могло быть ее реальностью, но не стало ей.

И этот настойчивый запах корицы, созданный Вселенной, чтобы наполнять тебя теплотой и уютом, сегодня для нее не работал. Такое ощущение, что в ее жизни многое сломалось.

Предатель телефон молчал, хотя его кармической задачей было звонить. Он нарушал закон, и ему было все равно. Своим черным экраном он доказывал ей, что все здесь пахнет безысходностью, а ведь там, за этим экраном, вся ее жизнь. Хотя что это за жизнь? Полная смайликов от тех, кто разучился улыбаться в реальности. Записанная в памяти телефонных книг людей, которым ты нужен только тогда, когда им что-то нужно от тебя. Жизнь между переключением с одной социальной сети на другую. И каждый день скорость переключения все быстрее и быстрее. Как бы все успеть? Прожить еще немного, хоть маленький кусочек, нереальной и такой притягательной жизни, размазанной лайками в инстаграме.

Так тоскливо ей стало сейчас. Она не понимала, почему так. Почему такое чувство нахлынуло на нее. Совсем недавно все было по-другому...

«Он смотрел в мои глаза, не боясь утонуть в них, и там, в его взгляде, было все, все манило, привлекало и поглощало. А сегодня – где его серо-голубые глаза, где та обворожительная улыбка? Он так и не появился. Сама виновата. Сама придумала эту игру. Ставки были высоки, но, видимо, я проиграла».

Снова вернулось ее привычное состояние: внутри нее было пасмурно и дождливо, она промокла, став свидетелем того, как разбиваются мечты. Мечты, которые слегка только проклюнулись сквозь почву перемен, и уже кто-то, не замечая важности их и не веря в то, что однажды они будут украшать этот мир, кто-то просто взял и наступил. Растоптал.

Рядом менялись картины из прохожих, их судьбы, их мысли, все проносилось мимо. Слегка оторвав глаза от чашки горячего имбирного напитка с медом и лимоном и взглянув на небо, она увидела, как два самолета пролетели очень рядом, их следы пересеклись на мгновенье. Самолеты уже улетели, а след их пересечения еще долгое время оставался в небе, медленно превращая настоящее в прошлое и растворяясь в нем.

«Интересно, а, пересекаясь в небе, суждено ли пересечься в жизни?» – подумала она. Летит, к примеру, один молодой приятный юноша в Рим, а очаровательная девушка – в Милан. И два самолета, две судьбы, два города, но небо-то одно, и оно на один лишь миг соединило два разных пути, следы от самолетов сошлись в одной точке. Кто знает, подарит ли им жизнь еще раз такой шанс?! Вдруг милой особе наскучит шопинг Милана, или уверенному юноше станет скучен Колизей. Вдруг что-то непонятное для них сподвигнет сменить маршрут своей жизни и изменить вектор своей судьбы. Вдруг однажды он войдет в самолет, в котором сидит она...

Глава 1 «Зачем слова»

– Милая моя, кто пьян? Ты о чем? Просто немного нетрезв... Да не переживай ты так. Я знаю, вам, стюардессам, надо быть строгими, особенно с такими, как я. Но я тебе обещаю, что все будет хорошо. Сейчас просто пройду на место, упаду вон в то уютное кресло, и ты забудешь обо мне. И встретимся с тобой уже дома, на родине. Обещаю тебе, родная. Ой, что-то я каламбуричь начал.

Эти крики нарушили ее внутреннюю тишину. Да ладно если бы только ее, показалось, что весь салон самолета немного напрягся.

Если попробовать описать это образами, то она даже не знала, как это состояние идентифицировать. Ну, пожалуй, так: еще несколько минут назад на небе не было ни тучки, и весь мир со всех сторон тебе говорил, что он рядом, птицы пели, кузнечики стрекотали, трава шелестела, – и в один миг все затянуло такими вязкими и темными массами, которые так и норовят тебя придавить собой. При этом еще не грохочет, но ты понимаешь, что гроза близко и она неизбежна. Показалось, что в самолет вместились все грозное облако мира и скоро бабахнет.

И похоже эта «родная» стюардесса не станет громоотводом, в сегодняшнем прогнозе погоды дождливо, как, впрочем, и у нее. Она недавно поняла, что эта внутренняя морось незаметно стала спутником ее жизни. Она уже и зонтик сушить перестала. Какие-то реки печали и уныния текли внутри нее, а может, ее кровь поступала из депрессионных каналов, брала свое начало где-то в Венеции и там, набирая мощь, плавно перемещаясь среди муранских зеркал, тягуче и монотонно тянулась к ней. Такая субстанция, которая укутывает в туман неизбежности и просто парализует. Все становится бесцветным, тусклым и неинтересным, все как-будто из пенопласта, такое искусственное, безжизненное и одинаковое.

Теряешь счет минутам, дням. Какая разница, какие сегодня число или год, главное – рядом это милое болото стагнации, там тепло и уютно, и в то же время сыро и вязко. Там сидишь и жалеешь себя до бесконечности. Почему же это со мной, почему опять я, почему я такая несчастная.

«Зачем я на этом концентрируюсь? – задалась внутренним вопросом она. – Сколько раз себе говорила: чему уделяешь внимание, то с тобой и происходит. Важно понимать не то, чего я не хочу, а что я желаю. Конечно, чтобы понять, чего я действительно хочу, надо сначала понять, чего я не желаю».

Она это все знала и помнила, но часто почему-то, как и многие, зависала на том, чего бы ей не хотелось. И начинала это подпитывать образами своего впечатлительного воображения. Хотя что может быть проще: поняла, что не нравится, осознала, чего хочешь, и думай об этом. Хоть весь полет. Тем более, вроде, все, что она задумала в эту поездку, складывается, у нее была цель, надо было многое успеть сделать.

Она летела в Южную Америку – с двух сторон два мощнейших океана, и этот фрагмент суши в центре – как песчинка. Он может быть поглощен ими в любую минуту, но этого не происходит. Как будто рано еще. Континент продолжает жить между ними, как сердце двух океанов, и не дает им слиться воедино.

«Аргентина, я еду вновь к тебе! – ликовала внутри себя она. – Еду в твои солнечные дни и южные ночи. Мчусь к тебе, чтобы высушить свою морось и сжечь обиды в страсти танго. И ничто не сможет мне помешать».

– Бабах! Извините, если вдруг помешал.

«Ну почему, почему все так? Ведь я поняла, чего не хочу, я думала о том, куда я поеду. Я уже визуализировала все это в лучшем виде, упаковав свою цель в красивую оберточку и завязав, для большей красоты, бантиком посередине, – и вдруг это ужасное «бабах». Это «слегка нетрезвое» тело падает около меня. В самолете не нашлось больше места?!

Такого не может быть, это не со мной. Пять часов до Мадрида. И еще двенадцать до Буэноса. Я не вынесу этого. Есть, конечно, надежда, что все ограничится только пятью часами, но даже эти часы для меня превратятся в вечность и кошмар. Больше ста мест в салоне самолета, но он оказался рядом именно со мной. Спасибо, жизнь, я оценила твою шутку!»

– Что грустим?

«О нет, только не надо со мной говорить. Так, хорошо. Я придумала. Я просто сделаю вид, что не понимаю его. Ведь я могу же быть иностранкой. Мне, кстати, многие говорили, что во мне есть что-то заморское или цыганское, не помню точно. Да какая разница. В общем, я – иностранка: «не понимать по—вашему».

И поэтому я просто молчу, отворачиваюсь, и тишина – мой спутник на этот полет. Он понимает, что я не «бе—ме», заносчивая гражданка какой-то заграницы, ездила смотреть на Кремль, топтала своими ножками, очень даже стройными, Красную площадь, всю жизнь мечтала о колорите, медведях и блинах с икрой. Кто, кстати, придумал это несочетаемое сочетать? Что в этом вкусного? По мне так лучше в блинчик положить ягоду или сгущенку, ветчину с сыром, на крайний случай, но не икру. Хотя о вкусах не спорят, да я и вообще молчу.

Такая довольная, насмотревшаяся и налопавшаяся русской экзотики лечу домой. Поэтому его «что грустим?» растворилось в моем молчании и потонуло там, шансов выжить не имея изначально. Захлебнулось в неизбежности его коротенького монолога, который, по его, видимо, детской наивности, он собирался превратить в диалог двух случайно встретившихся сердец. О, боже, какой бред! Это не со мной».

– Do you speak English?

«Вот это да! Не ожидала от него. Хотя что необычного. Подумаешь, каждый второй вылетающий за границу как минимум знает „сенкью“, „хеллоу“ и, конечно, „ду ю ду“. Поэтому продолжаем молчать. Теперь я не просто иностранка, я еще и глухонемая. Для него точно. Пусть мне бананы в уши поставили еще в детстве и забыли о них, я ничего не слышу и слышать не хочу, смотрю себе в окно и жду, когда все это счастье, свалившиеся пусть не на меня, но рядом со мной, закончится».

– Мадемуазель, вы так прекрасны, что вам даже не надо ничего говорить. Вы можете молчать всю вечность, и я, остановив свое дыхание, не посмею вдохнуть вновь, потому что побоюсь, что эта вечность в ту секунду оборвется. А вместе с ее окончанием не станет и меня. Поэтому просто молчите и разбавьте тишину своей красотой.

«Даже если у меня сейчас в ушах и были бананы, они просто вылетели как пружины, слегка задев вон ту милую семейную пару за шестьдесят через два ряда сидений. Такого быть не может. Он произнес фразу на трех языках, начав с французского, перейдя на испанский и закончив итальянским. Я не поняла и половины, но, клянусь небесами, самолет не должен взлететь, пока он мне не переведет все здесь и сейчас. Остановите эту минуту, я хочу знать, что он сказал».

– Я знаю, ты русская. Только у русской девушки может быть такой вовлеченный и глубокий взгляд. Но твои глаза – они особенные, тебе это, наверное, сто, двести, нет – миллион раз говорили. И не подумай, что это сейчас пустая болтовня пьяницы-соседа. Я впервые встречаю такие глаза, я мог бы в них утонуть, если б ты позволила. Они настолько затягивают, что нет ни вчера, ни завтра, есть только этот взгляд и настоящее рядом с тобой.

«Этого не может быть, он что, поэт или правнук Пушкина? Так в России мужчины не говорят. Обычно это выглядит так: «Привет, подружка, я – Вася, я крутой. Ты мне подойдишь. Как там тебя зовут? Хотя это неважно. Поехали сегодня со мной, потусим. И разбежимся завтра. Да ладно, чего ломаешься, таких, как ты, сотни. Не ты, так другая. Любовь? Что это? Верность – на что ее надеть? Мне некогда быть ответственным, крошка». Обычно так бывает.

А тут заметили мои глаза. Это сон. Я поняла, вся эта встреча – во сне, я просто еще не проснулась. И мне снится, что сегодня с утра я лечу в Аргентину, там меня ждет Франко. Я проснусь, и все будет как всегда. Я встану, выпью натоцак стакан теплой воды, сделаю себе кашу из киноа с финиками и, взяв свои чемоданы, спущусь в метро.

Там меня немного потолкают, похамят мне, помнут – в общем, поставят на рельсы современного мира, затем меня вытолкнут на нужной станции из поезда, и я поплыву в толпе на кольцевую, пронесусь, как белка, по кругу, и не страшно, если даже засну, ведь эта наша жизнь, детка.

Выйду на Белорусском, вдохну запах пирожков и трелью услышу, что «сим-карты недорого можно купить здесь». Перепорхнув, как бабочка, в вагон аэроэкспресса и там разгладив свои примятые бытом крылья, я постараюсь не заводиться, когда прекрасная проводница Маша будет катить свою тележку с водами и соками и чуть не раздавит мне правую ногу, видимо, посчитав, что с лапами-ногами два в одном мне будет легче жить.

Чтобы успокоиться, среди ее газированных напитков, способных растопить все стабилизаторы и глюконаты этого еще короткого, но уже непростого дня, я найду нектар для бабочки, ну или хотя бы просто бутылочку негазированной воды, выпив которую, я, полная сил, пронесусь вдоль рельсов в здание аэропорта и, срочно найдя свой рейс на табло, уже крыленая предвкушением полета, я войду в салон самолета, сяду в уютное кресло около окна и буду готова открыть новую страницу своей еще небольшой, но увлекательной жизни.

И в этот момент сон закончится словами: «Пристегните ремни, мы готовы к взлету»».

– Это твоя половина ремня? У меня не соединяются, одно не входит в другое. Ты мне поможешь?

«Это был не сон! Он еще здесь, еще пьян и еще говорит со мной. Не просто говорит, а нахально тычет мне. Самоуверенный самец, типичный вид. Стюардесса тебе в помощь».

– Твои глаза не просто красивые, они еще и очень любопытные! Взглянув в них, я понял, что ты хочешь узнать, что я тебе сказал. Знаешь, я мало за что могу его поблагодарить, вообще я не хочу ему говорить «спасибо», но вот что ОН дал мне, так это образование. В лучших шко-

лах страны и мира. Эти языки сложно учить, только когда ходишь пешком под стол. Первый иностранный язык сложно, второй чуть легче, а дальше уже не замечаешь.

Мои родители с самого раннего детства говорили дома на двух языках: русском и английском. В двенадцать лет ОН решил, что надо бы улучшить мои знания во французском, и у нас в доме появилась милая такая француженка в возрасте за шестьдесят, она пахла утренними круассанами, носила на себе все оттенки Прованса, и ее сердце было наполнено любовью к детям.

Своих она потеряла в молодости, и поэтому выбор его был конкретен – и моей второй мамой стала французская няня. С ней я учил культуру Франции, мурлыкал «оревуар» и получил прозвище «эйфеленок». Она так звала меня за длинные ноги и руки, которыми я мог дотянуться, по ее словам, до самой верхушки Эйфелевой башни. Она даже часто шутила: «Ты можешь подрабатывать там. Будешь несколько раз в месяц протирать сверкающие огоньки, которые включаются каждый вечер и дарят башне необыкновенный шарм и легкость. Если вдруг не найдешь себя в этой жизни, то станешь, мой милый месье, почетным протиральщиком этих лампочек. И даже со временем там, может, повесят табличку: „Всю свою жизнь Андрэ посвятил красоте, правда, не столько внутренней, сколько внешней“. Жители Франции и все гости столицы будут преблагодарны тебе».

Так мы развлекались вечерами, особенно зимними и суровыми, когда у нас в Сибири минус сорок и трещит за ушами, а у нее в это время слегка прохладно и нужно надеть межсезонное пальто, чтобы прогуляться вдоль Сены.

Уплетая вишневое варенье с сушками, она погружала меня в этот мир французского изыска, романтики и культуры. Она делала это так легко, что я даже не понимал, что все время она меня чему-то обучает, меняет меня, превращает из маленького дикаря Андрея в своего Андрэ.

«Милый мальчик, – говорила она мне, – как тебе тяжело, ты грубеешь на глазах. Ты должен вырасти уверенным, ты – мужчина. Но больше некому в минуты передышек тебе принести сливки маминой любви. Я никогда не смогу тебе заменить маму, она вечно останется в твоём сердце, да я и не должна этого делать, – продолжала она. – Мы с тобой стоим по разные стороны реки жизни.

Я потеряла своих детей очень рано, ты потерял маму. Река мчится стремительно и забирает близких нам людей, унося их навсегда, но мы можем помочь друг другу пережить и справиться с этим. Я поделюсь с тобой своей нерастроченной материнской любовью, а ты хоть на мгновение вступишь меня в свое сердце и в свой мир, показав, как может измениться жизнь, когда есть для кого просыпаться с утра и вдыхать этот новый день».

Вот только за нее и за образование я могу сказать ему «спасибо», больше мне благодарить отца не за что. Прости, когда я пьяный, несу полный бред. Выливаю на тебя ушат своих личных психоклубков, перепутанных жизнью. А я не хочу ассоциироваться у тебя с тяжестью, поэтому прекращаю.

Начнем сначала? Я – Андрей! Как тебя звать и на какой язык мира ты готова реагировать? Если я его не знаю, то начну учить прямо сейчас.

«Как хорошо, что я села у окна!» – она смотрела в иллюминатор, видела, как плачет небо, как причудливо, словно наперегонки, стекают капли дождя, и понимала, что параллельно с ними стекает и слеза по ее щеке.

Такое ощущение, что с этой водой выходило все его горе, которое он смог уложить в несколько минут своего монолога в салоне самолета, который вот – вот наполнится новыми лицами, судьбами и словами. Но сейчас салон был полон его тяжести.

Она не случайно почувствовала это состояние грозы и грома. Она вообще несколько лет назад поймала себя на мысли, что очень хорошо чувствует людей. Интуитивно их воспринимает. Только взглянув на человека, уже знает, будет ли с ним дальше общаться или нет.

Она воспринимала всех людей образами, и если этот образ ей подходил, если он вливался в ее картину мира, то и человеку, его носящему, там также было всегда место. Но так как ее картина мира была очень противоречива и не понятна до конца еще ей самой, то в ее жизни находилось место очень немногим людям.

Одно из мест там всегда было, есть и будет для любимого папы. Который для нее сумел открыть этот мир, который помог ей поверить, что она может все. Каждое утро он будил ее такими словами: «Вставай, милая, пришел новый день, самый лучший день в твоей жизни. У тебя все всегда получается, вставай, моя красавица. Тебя ждет самый счастливый день. Я верю в тебя, ты у меня очень талантливая, я очень сильно тебя люблю».

Такие слова встречали ее каждое утро, и каждое утро ждал новый самый лучший день. Так было до тех пор, пока она сама, перейдя в подростковый возраст, не обрubiла это. Мол, ну что за глупости, что за «ми-ми-ми». «Я уже взрослая!» — заявила она тогда.

И она помнила, как папа, ее мудрый папа, даже в этот момент почувствовал ее и, без всяких нотаций, просто сказал: «Конечно, дорогая, ты с каждым днем становишься все взрослее, и поэтому все больше я ценю те моменты, когда я тебе еще нужен. Совсем скоро ты станешь самостоятельной во всем, и моя задача помочь тебе в этом. Не прожить за тебя твою жизнь, а научить тебя быть счастливой в каждом мгновенье настоящего, помочь тебе понять, для чего ты родилась, раскрыть весь твой потенциал, зажечь твою внутреннюю звезду».

После этих слов он ее больше ни разу не будил, так как раньше. Как горяча молодость в своих поступках и суждениях, она так скучала по этим папиным словам. За еще одно такое утро сейчас она готова была отдать многое.

Именно поэтому, имея такое солнце внутри своего мира в виде папы, она не хотела принимать картину из грозových туч. Этот образ ей явно не нравился и был не ее.

Как можно так относиться к отцу и так его не любить? Хотя с чего я взяла, что он его не любит, он просто сказал, что ему почти не за что его благодарить, сказал это с раздражением, злостью и неприятием, замешав это все громовыми тучами. Но он пьян и, возможно, погорячился.

Вообще, зачем я об этом думаю, сейчас самолет взлетит, пролетит положенное ему расстояние и сядет в нужной точке в наилучшее для всех нас время. Мы расстанемся, даже не начавшись.

Но что-то подсказывало ей, что она может обмануть кого угодно, но только не себя. Впервые она ошиблась, впервые в ее мир интуиции вошел образ, которому, на первый взгляд, там не было места и не должно оказаться в будущем, но он вошел. Так медленно и нежно, что ей стало ясно, что она хочет продолжения. И она решилась...

– София.

– Что ты сказала?

– Меня зовут София, – повторила она.

– Быть такого не может! – закричал в ответ он. – Ты понимаешь, как это интересно и удивительно?!

– Что удивительного?

– Ну, ты помнишь, я рассказывал тебе несколько минут назад о своей няне? – он продолжал возбужденно говорить.

– Да, помню, – спокойно ответила ему девушка, не понимая, что это он так разволновался.

– Это знак!

– Какой знак? О чем вы?

– Соф и Я.

– Вы решили меня снова удивить. Мне хватит сюрпризов. Не надо мое имя раскладывать по буквам. Я с детства не люблю буквенный анализ, он у меня все время пробуксовывал, и за него я получала тройку по русскому до четвертого класса, – сказала София.

– Я не об этом. Хотя не могу поверить, что ты была троечницей, – тут же нашелся Андрей.

– Я не сказала так, – ее возмущению не было предела, – я сказала, что до четвертого класса у меня была тройка по русскому, это не то же самое, что «троечница», – возмущенно продолжила она.

– Ух ты, а мы не только обладаем завораживающими и любопытными глазами, в которых утонуть не страшно, мы еще и очень строптивы. Мне это нравится.

– Мне кажется, сейчас речь не о вас, Андрей. Вы меня оскорбили. Вам не кажется, что человеку, знающему пять языков в совершенстве и коротавшему вечера своей молодости за историей Франции, не помешало бы извиниться?

– Прости.

«Такое емкое и лаконичное „прости“. Ну а дальше? Дальше, не молчи! Ау, мой полиглот, ну хотя бы добавь „пардон“, спаси же скорей себя в моих глазах, иначе ты там потонешь раз и навсегда. В ответ – тишина. Ну да, чего я еще ждала. Я вроде не вчера родилась, с принцем на белом коне последний раз встречалась в сказке лет так „...цать“ назад. Это была моя иллюзия. И я ей позволила случиться. Винить некого. „Прости“ – уже неплохо».

– Прощаю. Хорошего полета, – ответила София.

– Подожди, не обижайся, не замолкай, пожалуйста. Знак, это знак.

– В чем ваш знак? – ей уже стало интересно.

– У меня была няня, ее звали Софи, и был Я. Для меня это долгое время было целым миром. Это было спасательным кругом, позволяющим не разбиться о скалы реальности и не потонуть в правде жизни. Каким я стал сегодня, это все благодаря присутствию в моей жизни моей няни. Понимаешь?

– Нет!

– Няню звали Софи, и был Я, – не сдавался Андрей. – Получается вместе: Софи... и... Я. Няни давно нет, мой мир далек от того идеального, но вдруг неожиданно появляешься ты, и в твоём имени мое прошлое, настоящее и, возможно, будущее, там вся моя Вселенная – СОФИ и Я. Как будто пазл сложился. В твоём имени есть мой мир, и есть Я. Это чудо! Такого не может быть!

– Так, все, хватит, я и так слишком многое себе позволила. Я поняла, вы пьяны. Вернее, я знала это с того момента, как вы ворвались в самолет и мою жизнь. Но сейчас я осознала, что это все это бред сумасшедшего, совсем скоро мы взлетим, вы заснете, мы приземлимся, я выйду из самолета, и мы больше никогда не встретимся.

Ваш мир и вся ваша Вселенная останутся с вами, приберегите их для студенток первого курса, там вам проходу не дадут, там ваши речи, Андрэ, будут иметь колоссальный успех. Только успевай выбирать из готовых открывать вам свое сердце и не только. Мы немного позволили себе пересечься, хотя изначально понимаем, что это встреча двух параллелей. Нам не суждено оставить след в сердцах друг друга. Я искренне надеюсь, что моя затянувшаяся до неприличия речь вернула вас на землю, нисколько вас не обидела и позволила вам остановить каскад ваших будущих монологов, которые еще случились только на уровне мысли. Пусть лишь мыслями, известными только вам, они и останутся.

«Вот так! Так ему и надо!» – ликовал разум.

А я и не знала, что так могу. Выпалить ему такое и не заикнуться, не сбиться и даже совсем не раскраснеться. София, да ты – талант. Где там собирают спикеров мира и проводят конкурс на лучшего оратора? Там твой приз. Лучший оратор-одиночка, двадцать три года, и даже не ищут никого. Зачем пускать кого-то в свой мир. Ведь кто-то другой мужского пола всегда приносит с собой горечь и боль, он пахнет разочарованием. Даже если это случится не сразу, то это только вопрос времени, они все как будто прячут эту горькую пилюлю в потайном кармане.

Сначала все карамельно и ванильно, а потому все сменяет резкая грусть и печаль. Не надо ни с кем знакомиться, ты все правильно сделала, девочка, отишла и забыла. Да, грубо, но он сам лез на рожон, сам виноват. Протрезвев, что он там вспомнит. К тому же пока мы мило пересекались в болтовне, самолет давно уже начал задевать пузом облака, а это значит, что совсем скоро стюардессы предложат пить, есть – и нам некогда и нечем будет говорить. А потом он заснет, и все закончится».

– Я никогда не забуду тебя и не засну весь этот полет, так и знай! – сказал Андрей.

«Неожиданно! А мальчик попался настырный и, судя по всему, необидчивый. Зачем он расстегнул ремень, сбежать от меня хочет, наверное?» – продолжала вести свой внутренний диалог она.

Стюардесса мило попросила его присесть, так как мы еще не набрали нужную высоту и пилот не объявил, что можно свободно перемещаться по салону. Он пообещал это сделать, но, как упрямый мальчишка и среднестатистический безответственный представитель планеты Марс, не сдержал своего обещания, продолжив рыться на полке в своей сумке и что-то там искать.

– Молодой человек, присядьте, пожалуйста, – повторно пронеслось по салону в его адрес. Но такое ощущение, что, проносившись по салону, это оповещение, как будто приблизившись к нему, сделало неожиданный крюк и, изменив траекторию полета, слегка задев его правую мочку, понеслось дальше. Он же, просто почесав ухо, отмахнувшись от просьбы как от комара, продолжил рыться в сумке, слегка шатаясь. То ли от того, что пьян, то ли от того, что самолет пролетал зону турбулентности.

– Есть!

«Господи, он что, уже голоден? Только не это! Сейчас он будет жать на все кнопки и просить есть. Ну почему это происходит со мной?»

– Есть, я нашел ее!

Он сел, вернее, свалился снова в кресло и положил на колени книгу.

Говорят, что если живое существо переносит шок, ему требуется время на восстановление. Но двойной шок в короткий промежуток, пока самолет еще даже не набрал нужную высоту, это просто издевательство над организмом молодой девушки.

Сколько раз она летала, видела много рядом с собой попутчиков. Они часто тратили на что-то время. По ее мнению, тратили его бездарно и впустую, как будто не зная или не желая знать, что это самое ценное, что есть у человека, его время, которое с каждым днем летит все быстрее. И так и норовит забрать у тебя тебя. Как бы это коряво ни звучало. Время либо наш помощник, когда ты его расходуешь с осознанием, либо наш враг, когда

тратишь впустую. В любом случае время не знает, кто оно, пока ты сам его не назовешь. А вводишь ты его в разряд помощников либо врагов своими поступками и отношением к жизни.

Так вот, часто она видела тех, кому время – враг. Потому что тратят они его в самолете на тыканье игрушек в телефонах и планшетах, на просмотр однообразных фильмов, на чтение желтых газет и пустых журналов, в которых реклама несет в себе и то больше смысла, чем тексты между ней. Они тратят его на сон, на болтовню и гораздо реже – на себя и свое развитие. Очень редко она встречала людей, у которых есть книга, пусть даже электронная, а что уж говорить про бумажную версию. София долгое время считала себя динозавром, который один выжил в этом современном мире и которому единственному нравится запах краски, летающий со страниц новой книги, который любит, чтобы подушечки пальцев стали слегка черными от краски, который предпочитает гудению турбин самолета шелест листов книги.

Да, иногда ей было стыдно за это, ведь так могли бы шелестеть листья на деревьях. Ну, она и так обложила себя многими запретами: не ела мясо, экономила воду, выключала свет, когда он не нужен. «Пусть бумажная книга будет моей маленькой слабостью! — решила она для себя. – Пусть я буду через нее вдыхать историю, ощущать связь с прошлым, знать, что много лет назад жили люди, которые брали первые экземпляры книг и передавали их из поколения в поколение как самую главную семейную ценность. Передавали своими дрожащими руками и благодарными сердцами, осознавая, как много в книге пользы для человечества и его эволюции».

София была уверена, что все ответы скрыты внутри нас. Книга для нее была тем огнем, который был способен ее внутренний и безграничный источник знаний разжечь.

Она полюбила читать книги благодаря папе. Сколько она себя помнила, он всегда читал и читает до сих пор. Хотя зрение его за это уже начало периодически ругать. Всегда у него дома было про запас книг пять или даже десять, когда он куда-то едет сам или с семьей, в сумке есть книга. Они даже с мамой стали похожи в этом. Если мама раньше все больше увлекалась журналами, то со временем, благодаря папе, ее дамской сумочке пришлось немного подрасти в размерах. Там всегда теперь должно было быть место, наравне с помадой, еще и книге.

И конечно, с самого раннего детства они читали ей много, читали разные книги. Она помнила, как папа однажды придумал и написал для нее детскую книгу, которую читал ей по вечерам перед сном. Это была интересная сказка про девочку, радугу и Кхе-Кхе. Она была такой увлекательной, загадочной и смешной, что София часто повторяла, что ее надо издать. Чтобы все дети мира могли бы проводить вместе с ней время так же весело, как и она.

Особенно она обожала из этой сказки героиню по имени – Баба Слон. Как же папа был оригинален, назвать этим именем не кого-то, а бабочку. И дать ей такое прозвище лишь потому, что у нее были большие крылья, как уши слона. Она отчетливо помнила, как просила его каждый вечер рассказать продолжение, но он был здесь не так всеобъемлюще сговорчив, лишь раз в неделю появлялась новая глава. И как только та заканчивалась, она уже просила новую. Он же просил подождать, пока он ее придумает.

Как только София повзрослела, книги стали заполнять ее комнату все больше и больше, шкаф с одеждой даже уже начал нервничать. Ведь всегда он был первым по количеству предметов в нем, а тут вдруг книжные полки стали побеждать. Прямо ревность у них там началась какая-то. И понятно, что сегодня она не представляла себя без книги, и пусть она – динозавр, потому что большей части тех, кого она знала, кроме телевизора, планшета и wi-fi рядом, ничего не надо было, – однако она была счастлива.

«А тут, вот на тебе неожиданность, этот пьяница-полиглот, решил меня добить окончательно, достав свою книгу. Да еще и не электронную, а печатную версию. Да еще и,

судя по обложке, на которую я мельком взглянула, какой-то развивающий экземпляр. Явно не из серии: убил, добил, перебил. Что-то из психологии или эзотерики.

С другой стороны, достал книгу – это хорошо, не будет меня доставать своими мыльными сериалами из прошлого про нянь, ну точно а-ля Пушкин, ну где же кружка. Хотя, судя по всему, кружку с горячительным он уже достал гораздо раньше, перед самым вылетом».

Ее внутренний диалог прервал сигнал о том, что «мы набрали высоту, и вы можете растянуться и свободно перемещаться по салону». До Испании уже осталось четыре часа, там небольшой стоп, транзит, и еще двенадцать часов – и она в Буэносе. Там у нее запланирован недельный интенсив по танго, третий раз уже, также мастер-класс по живописи на La Boca. Так что хватит о случайностях, лучше перейти к планам.

Раньше София всегда планировала свои путешествия. Была таким перфекционистом, уверенная, что подготовленный маршрут – это залог успешной поездки, особенно когда ты едешь одна, в чужую страну. В принципе, она и сейчас так считала, но однажды прочитала в одной книге, что иногда для встряски и выхода из зоны комфорта необходимо себе позволить потеряться в путешествии. Просто в незнакомой стране выйти из гостиницы и идти туда, куда тебя приведет интуиция. Довериться своему внутреннему «я» и быть уверенной, что все, что с тобой происходит, все к лучшему.

Почему-то ее, девушку-план, эта идея очень зацепила, и она решила, что в ближайшее путешествие обязательно «потеряется». И как раз, вскоре поехав в Каппадокию посмотреть на эти не похожие ни на что космические пейзажи из туфа, она сделала остановку в Стамбуле. Именно там ее осенило, что гулять по этому городу, позволяя себе теряться, будет так мило и увлекательно. Поэтому, встав с утра, она решила, что время эксперимента пришло.

И будто сама Вселенная помогала ей в этой затее. Выйдя ранним утром на улицу, София чуть не столкнулась своим носом с туманом. И дело даже не в том, что у нее был нос как у Буратино, он у нее был очень даже аккуратный, дело было в том, что туман был так плотен и густ, и приближался к ней, даже не спрашивая разрешения дотрагиваться. Как будто хозяйка-природа разлила парное молоко, и оно так нежно и ароматно тебя укутывает.

Вообще она хотела в тот день попасть на Гранд Базар. Это было так оригинально! Ну а куда еще хотеть попасть молодой девушке в Турции, конечно на базар!

Она специально не стала смотреть в интернете маршрут к нему от своей гостиницы. Все, что она знала, что ей надо идти противоположно набережной Босфора, которая находилась практически напротив входа в отель. Поэтому, встав спиной к соседнему магазинчику и недолго думая, она начала «теряться».

Сначала было немного жутко. Неизвестный город, новая страна, раннее утро, где-то в неизвестности слышны крики чаек, редко встречающиеся сонные люди, похожие на зомби, и она идет в приключение, такой ежик в тумане – который потихоньку с каждым шагом стал рассеиваться, открывая для нее Стамбул.

Какой же он был красивый! Весь в разноцветной мозаике, коврах, красочных тканях. Старинные крыши домов, под ними балкончики, благоухающие ароматами цветов, клумбы были усеяны тюльпанами. И коты. Они были повсюду. Причем какие-то особенные, почти размером с собаку, большие такие. Не то чтобы откормленные и толстые, а именно большие и высокие, при этом грациозные и изящные.

София переходила от переулка к переулку. Где-то кричали дети, собиравшиеся в школу, даже не подозревавшие, что рядом с ними ходит молодая особа, которая познает свою науку в школе жизни. Периодически ее манил запах свежесваренного утреннего кофе. Притом что она его давно не пила и к кофеманам не относилась, но здесь не удержалась и забрела в одну из местных лавочек, где с удовольствием вместо традиционной каши позволила себе пирожное с ягодами и капучино. Смахнув с губ густую пенку, она двинулась дальше, насыщаться историей города, который с каждым шагом становился ей другом и разрешал его узнать ближе.

Постепенно проплывая за туманом вдоль старинных стен, переулков, лавочек с приправами и тканями, она вышла прямо на ворота какого-то большого здания, и в этот момент туман полностью растаял. Как же она была удивлена, когда увидела вывеску, «Гранд Базар». София стояла прямо перед его центральным входом. Ведомая интуицией и доверием к миру, она не просто пришла к цели, она пришла к ней другая, наполненная историей этих мест, они ее приняли, город познакомил ее с собой. Она села на лавочку около входа и еще около часа просто наблюдала за людьми, пребывая в своем спокойном медитативном состоянии. Ощущалась связь с чем-то нематериальным, ощущалась связь с Вселенной.

– Пить будете?

«Как я люблю этих милых стюардесс! – подумала она. – Они мои помощницы, возвращают меня, как Алису из ее страны Чудес. Я так часто убегаю в свой внутренний мир, там мне спокойно. И там я забываю, что реальность — она рядом и не всегда параллельна, даже очень часто пересекает меня и мою жизнь. Иногда ведет себя так грубо, как слон в моей посудной лавке».

– А вам что? – спросила стюардесса Андрея.

– Мне как ей, пожалуйста, – ответил он.

– Ваша вода, пожалуйста.

– Ты на меня все еще обижаешься? – спросил Андрей Софию.

– О чем вы? Я не могу обижаться на вас. Меня способны обидеть только близкие люди. Вы мне никто. Я вас первый и последний раз вижу в своей жизни. Поэтому предлагаю вам не напрягаться на поддержание беседы и углубиться в свою книгу, – ответила она ему.

– Ты хочешь знать, о чем она, моя книга? – продолжил настойчиво Андрей.

– Мне абсолютно не интересно! – тут же ответила София.

– А ты любишь читать?

– Да, люблю.

– А что ты читаешь обычно? – поинтересовался Андрей.

– Я читаю книги, такой ответ вас устроит?

– Ну почему ты не хочешь со мной поговорить?

– Я не вижу смысла говорить с пьяным мужчиной. Вы забудете все, о чем мы говорили, ровно через пять минут как заснете. А вы точно заснете скоро. И когда вы проснетесь, то даже не вспомните, как меня звали. Так зачем мне тратить на вас время и с вами говорить? – произнесла София.

– Знаешь, а ты права, – продолжил Андрей после минутной паузы.

– Ну, что я и говорила!

– София, ты права лишь в одном. В том, что я пьян. Однако знай, что нашу встречу, тебя и твои глаза, и уж тем более как тебя звать, я не забуду никогда. И конечно, я не усну весь полет, – гордо заявил он ей в ответ.

Сказать, что она была удивлена, уже, наверное, не сказать ничего. За это небольшое время, что она была знакома с ним, она уже привыкла к сюрпризам. Большим и маленьким. Как он красиво согласился с ней и в тоже время оставил как мужчина последнее слово за собой. Не сломал, и не сломался сам.

Для нее тема слома была очень актуальна. Так как родилась она очень хрупким цветочком. Даже не цветочком, а маленькой травинкой, которую легко было растоптать, пройдя мимо, не заметив. И дело было не в физических данных, здесь все было нормально: она родилась статистически здоровой, в норме, девочкой. Дело было в ее ощущении себя в окружающем

мире и уверенности, а вернее, в полной неуверенности и нежелании с раннего детства кого-то пускать в свой мир.

Такой маленький ежик, свернется в комочек, страдает внутри, изводит себя, но открыться навстречу новому дню и его возможностям не может, боится, не умеет, сомневается, стесняется. Эти глаголы можно продолжать долго, и все они будут о ней.

Хотя правильнее сказать: не будут о ней, а были о ней. Потому что сейчас в кресле самолета сидела роскошная молодая девушка. Уверенная в себе, с расправленными плечами-крыльями, знающая себе цену, многое умеющая и при этом по-настоящему наполненная лунной энергией. Богиня, которая сумела раскрыться, и произошло это благодаря ее родителям и их осознанному подходу к воспитанию ребенка.

Как много с раннего детства они вложили в нее, как тихонько, шаг за шагом они помогали ей крепнуть, закрывали собой от северных ветров, желающих ее сломать, поливали своим терпением и поддержкой, удобряли своими позитивными словами и верой в себя. Роза созрела, бутон набрал всю свою мощь и раскрылся во всей своей красоте. Сегодня она стройная, сильная, высокая, сама уже способна быть поддержкой. А еще совсем недавно с двух сторон около этого стебелька были мама и папа, именно они помогли не сломаться, именно они сделали все, чтобы дочь расцвела.

Слова Андрея и его поведение в очередной раз для нее стали сюрпризом. Она уже стала задумываться, а пошутила ли с ней жизнь.

– Знаешь, а ведь я совсем не пью, – продолжил он. – Конечно, если сейчас смотреть на меня, это мало похоже на правду. Хорошо, я пью, но очень редко, и стараюсь это «редко» вообще убрать из моей жизни. Дело в том, что я лечу к нему. Если б ты знала, как я ненавижу эти несколько дней в году.

Каждый год, в одно и то же время, ОН, как истинный педант, собирает нас в Испании на своей вилле, такой суд богов устраивает. Он – бог. Он все знает, лучше всех и про всех. Зачем нас спрашивать, он уже все решил про нас. Его дети не могут хотеть быть собой. Для каждого из них у него есть своя программа: кем они должны стать, чего достичь и, самое главное, как не повредить при этом его репутации. Ни в коем случае.

Так вот, завтра у меня этот судный день, этот день сурка. Мы снова встречаемся... неужели прошел целый год, как стремительно время летит. Почему оно не резиновое? Встречаемся у него, как будто нобелевские докладчики, мы будем под его осуждающий взгляд доказывать свое место под солнцем, рассказывать, чего мы достигли, как распорядились его деньгами на банковских счетах. И не дай бог мы споткнулись или сделали ошибку, мы будем наказаны, мы будем стоять в вымышленном углу на гречке, чтобы осознать, что мы никто и ничто. А есть он, который нас вырастил, выучил и дал нам путевку в жизнь.

Я ненавижу эти дни в году. Если б была такая возможность, то я бы купил все календари в мире и вычеркнул из них эти несколько дней, устроил бы сиесту для всех, я свободен. Но я так не могу сделать, я всего лишь его сын. И чего бы я ни добился, все будет не то и не так, все ему будет мало, мы будем не такие, ведь мы не вписываемся в матрицу идеального сына или дочки.

Прости, я опять о своем, больном. Обещал же не грузить. Именно поэтому я напиваюсь перед полетом к нему, мне так легче, забыться, пережить эти несколько дней и еще на год вычеркнуть его из своей жизни. Его там нет и не надо. А так я не пью. Ты не поверишь, я даже мясо уже несколько лет не ем.

Действительно, увидев его впервые и составив свое впечатление о нем, сейчас она во многое поверить не могла. Как же она ошибалась, делая свое первое суждение о «теле», которое

падало в кресло рядом с ней всего несколько часов назад. Тогда она была полностью уверена, что ей крайне не повезло с попутчиком. Но чем больше он говорил, тем больше он ей нравился.

«О чем это ты? – вовремя подоспел за ней разум и, едва отдышавшись, начал: – он просто рядом сидящий пассажир. Да, необычный, да, интересный, но он не в твоей жизни, он просто рядом, скорей, он ближе к этому креслу самолета, чем к тебе.

Не суждено пересечься. Ты слышала? Он летит до Испании, ты продолжаешь свой полет дальше, пути расходятся, как и предполагалось изначально. И вообще, кто пишет эту сказку? Очнись, дорогая. Двадцать первый век на дворе, дети рождаются с планшетами, в друзьях покемоны социальных сетей, жизнь познается через wi-fi. Какая романтика, какая любовь с первого взгляда? София, вернись в реальность!»

«Ладно! – согласилась она сама с собой. — Надо переключиться! Ну и где мой помощник? Где моя книга?» Однако вот уже несколько лет в свои путешествия она брала не только новую книгу, но и еще один очень интересный подарок. Этот подарок ей сделал папа на совершеннолетие.

Они сидели в ее любимом ресторане, на открытой веранде, наполненной ароматами вкусных блюд и укутанной лучами закатного солнца. Как всегда, было с родителями комфортно и уютно. Неважно, где: дома, в кафе, в кино. Она просто очень любила проводить с ними время вместе, и чем старше она становилась, тем ценнее для нее были эти моменты, подаренные жизнью.

– Что это? – спросила она отца, передающего ей красиво упакованную коробочку.

Что-то, а дарить красоту папу умеет. Часто, получая подарки от него, она не могла понять для себя, что ценнее: упаковка или начинка. Подарки всегда были так оригинально и изысканно упакованы, что ей не хотелось срывать обертку, даже несмотря на громадное любопытство, которое она всосала с молоком матери.

И если у нее получалось, то она снимала аккуратно упаковку с одной стороны и сохраняла на несколько месяцев, чтобы просто ей любоваться.

Но такого подарка, как этот, она не получала раньше никогда, и точно не получит больше. Впервые упаковка стала ничем по сравнению с тем, что было внутри. Папа часто говорит, что все самое главное скрыто внутри нас, мы отражение внутреннего на внешнем физическом плане. И никогда наши поступки не будут лучше, чем наши мысли. В тот день, открыв коробочку, она увидела внутри стопку конвертов.

– Что это? – спросила она вновь его.

– Это наш с мамой подарок тебе. Сегодня тебе исполняется восемнадцать лет, и вся жизнь у тебя впереди. Это волшебное время. Ты только начинаешь открывать дверь в новый самостоятельный мир, свой мир. Как важно тебе на этом этапе осознать, что все в твоих руках, нужно только научиться превращать мечты в цели. Впереди будет многое, и чем дальше ты будешь идти по карте своей жизни, тем больше будешь ценить препятствия, потому что в них скрыты громадные возможности. Сейчас мы стоим в точке настоящего, где наша мудрость родительского опыта и твой энтузиазм молодости способны дополнять и вдохновлять друг друга.

Доченька, любимая наша, мы поздравляем тебя с твоим рубежом и знаем, что многое ты уже пробовала из материального мира, многое еще тебя ждет впереди, а здесь, в этой коробочке, находится волшебная таблетка. Когда тебе будет грустно или потребуются вдохновение, открой эту коробочку, возьми любой из этих конвертов, и ты получишь ответы на многие вопросы, и сможешь поймать новую волну, ты сможешь двигаться дальше, как бы тяжело тебе ни было.

Помни, жизнь дает нам ровно столько испытаний, сколько мы можем вынести. Всегда, с каждой новой трудностью, призванной сделать тебя лучше, жизнь, помогая, дает бонусом и силы, чтобы все осуществить.

– Ну что здесь, не томи!

– Так смотри же скорей, ведь это твой подарок!

Все конверты, на первый взгляд, были одинаково похожие, все белые, без картинок. Беря в руку то один, то другой, она как будто чувствовала, что внутри них есть какая-то тайна, принадлежавшая только ей. На секунду ей показалось, что, когда она берет конверт, ее как будто пробивает ток мурашек. Всегда, когда такое с ней происходило, она знала, что это знак Вселенной, знак того, что это важно для нее. Как будто через эти мурашки с ней говорит ее Душа и опыт многократных воплощений.

Приглядевшись повнимательнее, она увидела, что на конвертах в правом углу стоят маленькие цифры. Отыскав конверт с номером 1, она решительно его вскрыла. В нем был аккуратно сложенный лист формата А4.

– Что это?

– Это письма, – ответил тогда папа. – Милая, когда-то люди не знали, что такое электронная почта, WhatsApp и звонок по Skype. Мы писали друг другу бумажные письма. Брали чистый лист бумаги и начинали творить на нем. Когда рука водила по листу, ручка даже иногда скрипела, это было так таинственно. Представляешь, взять лист, написать свои мысли тому, кто тебе дорог, пойти на почту, кинуть в ящик конверт и ждать. Ждать, пока твой монолог долетит, доплывет, доедет до адресата, и тот с долгожданным рвением откроет конверт и прочитает, а потом напишет в ответ. И теперь ты уже по другую сторону – ждешь ответа. Что-то в этом есть, дорогая.

Сейчас перед тобой письма отца к своему ребенку – мои письма к тебе, в которых есть только один адрес назначения: твое сердце. Однажды я прочитал, что очень важно писать письма своим детям, пока они взрослеют и меняются на твоих глазах. И я принял решение, что буду это делать. Это будут не просто письма с воспоминаниями о том, как ты первый раз пошла или заговорила, хотя это тоже там есть, это будут письма, наполненные яркими воспоминаниями о прожитом вместе с тобой.

В каждом из них будет какая-то история, которая изменила нас. Ведь все эти годы я рос вместе с тобой, я менялся в лучшую сторону, как для тебя, так и для себя. Благодаря тебе. Когда-то меня не станет, это неизбежно, как и седина на моих висках, но я хочу, чтобы эти строчки, родившиеся в моем сердце, долетели, доплыли, доехали и остались в твоём сердце навсегда.

– Папа, как трогательно, спасибо большое. Мне так не терпится скорей их все открыть и прочитать, это как знакомство с самой собой, как будто мне выпал шанс просмотреть про себя черно-белое кино. Вы не обидитесь на меня, если я уеду их сейчас читать?

– Ну конечно обидимся! У тебя на это будет целая вечность, все-таки мы забронировали этот столик в твоём любимом ресторане, давай отметим твой день рожденья, а потом ты посвятишь время себе и письмам.

С тех пор прошло уже более пяти лет, все эти письма она знала почти наизусть, и читала их уже просто вперемешку, хотя они и были пронумерованы. Папа сказал, что эти номера имеют всего лишь один смысл – они позволяют понять, какое из писем было первым, вторым и так далее и, следовательно, понять, какое из них было написано, когда она была совсем маленькая, а какое – когда уже повзрослела. Спустя какое-то время с момента ее первого знакомства с ними она для себя дала каждому из писем свое кодовое название, и сейчас почему-то захотелось окунуться в письмо, которое она назвала «Камушки-Мысли».

Взяв его в руки и, чтоб этот надоедливый сосед вдруг снова не начал приставать с расспросами, что она там читает, отвернувшись к иллюминатору, София погрузилась в мир воспоминаний...

«МОЯ МАЛЫШКА, Я ПОМНЮ ЭТОТ ДЕНЬ. ТЫ ЕГО, НАВЕРНОЕ, СОВСЕМ ЗАБЫЛА.

ПАМЯТЬ – УДИВИТЕЛЬНАЯ ШТУКА, ПОРОЙ МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО КАЖДАЯ МЫСЛЬ – ЭТО КАМУШЕК НА ГОРЕ, КОТОРУЮ МЫ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ СОЗДАЕМ. КИДАЕМ ИХ НЕРАЗБОРЧИВО ИЛИ, НАОБОРОТ, ОСОЗНАННО И СОЗДАЕМ СВОИ ВЕРШИНЫ, НА КОТОРЫХ, ЗАБРАВШИСЬ, ПОНИМАЕМ, ЧТО ЕСТЬ ЕЩЕ КУДА РАСТИ, КИДАЕМ СНОВА И ДВИГАЕМСЯ ВВЕРХ, И ТАК ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ.

ТАК ВОТ, О ПАМЯТИ... КОГДА СТОИМ НАВЕРХУ ОЧЕРЕДНОЙ ВЕРШИНЫ, ПОД НАМИ СОТНИ, МИЛЛИОНЫ, МИЛЛИАРДЫ КАМУШКОВ-МЫСЛЕЙ, ИМЕННО ОНИ ВЧЕРАШНИЕ СОЗДАЛИ НАС СЕГОДНЯШНИХ, СТОИМ МЫ НА НИХ И НЕ ПОМНИМ, ЧТО БЫЛО ВЧЕРА, ПОЗАВЧЕРА, ГОД, ДВА ИЛИ ДЕСЯТЬ НАЗАД. НО ЕСТЬ ТЕ КАМУШКИ-МЫСЛИ, КОТОРЫЕ НАМ ПОЧЕМУ-ТО ОЧЕНЬ ДОРОГИ, И ТОГДА, ПОНИМАЯ ЭТО, СТУПАЯ ВВЕРХ, МЫ БЕРЕМ ИХ С СОБОЙ, КЛАДЕМ НА ВЕРШИНУ НАСТОЯЩЕГО И, РАДУЯСЬ ДНЮ НЫНЕШНЕМУ, СМОТРИМ НА НИХ И ВСПОМИНАЕМ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ТО, ЧТО НАС СЕГОДНЯ СЮДА ПРИВЕЛО.

ВОТ ТАКОЙ ВОТ КАМУШЕК-МЫСЛЬ СЕГОДНЯ Я ПЕРЕДАЮ В ТВОИ РУЧКИ. Я ПОМНЮ ТЕ ДНИ, КОГДА ДВЕ ТВОИ КРОХОТНЫЕ ЛАДОШКИ ПОМЕЩАЛИСЬ В ОДНОЙ МОЕЙ ЛАДОНИ. СПУСТЯ НОЧИ, ДНИ И ГОДА В ТВОИХ РУКАХ УЖЕ ВЕСЬ МИР. ТАКОЙ, КАКИМ ТЫ ЕГО СОЗДАЛА, И СЕЙЧАС Я ХОЧУ ТЕБЕ НАПОМНИТЬ ТОТ ДЕНЬ, КОГДА МЫ СОТВОРИЛИ ИЗ ПАСМУРНОГО НАСТРОЕНИЯ ВЕСЕЛУЮ РАДУГУ НАШИХ ЭМОЦИЙ.

ТОТ ДЕНЬ МНЕ ОЧЕНЬ ДОРОГ, ВЕДЬ У НАС С ТОБОЙ ПОЛУЧИЛОСЬ СТАТЬ ТВОРЦАМИ СВОЕЙ ЖИЗНИ, НАМ УДАЛОСЬ НАСЛАДИТЬСЯ МОМЕНТОМ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

ТЫ БЫЛА ОЧЕНЬ РАССТРОЕНА, Я ДАЖЕ НЕ ПОМНЮ, ИЗ-ЗА ЧЕГО. НО ЭТО НЕ ВАЖНО. КОГДА ТЫ СЕРДИЛАСЬ В ДЕТСТВЕ, ТО ТАК СКЛАДЫВАЛА ЗАБАВНО ГУБКИ, ЧТО БЫЛО ПОНЯТНО: ЛУЧШЕ СЕЙЧАС НЕ ПОДХОДИТЬ. ТЫ НЕ ТОЛЬКО ГУБКИ СКЛАДЫВАЛА, ЕЩЕ И БРОВКИ ДОМИКОМ ДЕЛАЛА, НО ЭТО БЫЛО НЕ САМОЕ СТРАШНОЕ! ТЫ, КОГДА НЕ ХОТЕЛА ГОВОРИТЬ, ТЫ ОБ ЭТОМ ГРОМКО КРИЧАЛА. ЗАБАВНО! НЕ ХОЧУ ГОВОРИТЬ, ПОЭТОМУ КРИЧУ.

НЕ ЖЕЛАЯ НИКОГО ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ, ТЫ ЗАБРАЛАСЬ В СВОЙ ШКАФ. ТАКОЙ ОБЫЧНЫЙ ШКАФ, ЦВЕТА ТОПЛЕННОГО МОЛОКА. НО ТОЛЬКО С ВИДУ ОН БЫЛ ТАКИМ СВЕТЛЫМ, ЗАБРАВШИСЬ ВНУТРЬ, ТЫ ПОНЯЛА, ЧТО ТАМ ТЕМНО И НЕМНОГО СТРАШНО. ВРОДЕ ЭТО ТВОЙ ШКАФ, НО ОН ДРУГОЙ ИЗНУТРИ, НЕИЗВЕСТНЫЙ, БОЛЬШОЙ. НА ПОЛКАХ ЛЕЖАТ ВСЕ ТЕ ЖЕ ТВОИ ЛЮБИМЫЕ ВЕЩИ, НО ТЕМНОТА ИХ НАПОЛНЯЕТ КАКИМ-ТО ЗАГАДОЧНЫМ И ПУГАЮЩИМ ОБРАЗОМ. А ВДРУГ ЭТО ПЛАТЬЕ УМЕЕТ ШИПЕТЬ. ИЛИ ЭТА ЮБКА НАПРЫГНЕТ НА ТЕБЯ В ТЕМНОТЕ, И ЕЙ НЕ ВАЖНО, ЧТО НА ТЕБЕ УЖЕ ЕСТЬ ДЖИНСЫ.

В ОБЩЕМ, ЗАБРАВШИСЬ ТУДА И ПРОЯВИВ СВОЙ ХАРАКТЕР, ТЫ ПОНЯЛА, ЧТО ПОСПЕШИЛА. Я ЖЕ ЭТО ОСОЗНАЛ, КОГДА ТЫ ЗАМОЛЧАЛА. КОГДА КРИКИ, ОТЛЕТАВШИЕ ОТ СТЕН, ВДРУГ УМОЛКЛИ, И ТИШИНА НАУЧИЛАСЬ ГОВОРИТЬ, ТОГДА СТАЛО ПОНЯТНО, ЧТО МНЕ ПОРА ТЕБЕ ПОМОЧЬ. ТИХОНЬКО Я ПОДОШЕЛ К ШКАФУ И СЛЕГКА ПОСТУЧАЛ, ЧТОБ ТЕБЯ НЕ НАПУГАТЬ.

ТЫ, КОНЕЧНО ЖЕ, В ЭТОТ МОМЕНТ, ОСМЕЛЕВ, СКАЗАЛА: «УХОДИ, НЕ ХОЧУ ТЕБЯ ВИДЕТЬ».

«А ТЫ МЕНЯ И НЕ УВИДИШЬ», – СКАЗАЛ Я И БЫСТРО ЮРКНУЛ В ТВОЙ ШКАФ.

КАК МЫ ТАМ ПОМЕСТИЛИСЬ, Я НЕ ЗНАЮ, МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ФЕЯ И ПАПА В ПЯТЬ РАЗ БОЛЬШЕ ЕЕ. НО ВДВОЕМ В ТЕМНОТЕ СТАЛО ЯВНО ВЕСЕЛЕЕ.

ТЫ НЕ ХОТЕЛА НИКАК МНЕ РАССКАЗЫВАТЬ, ЧЕМ ЖЕ ТЫ ТАК СИЛЬНО РАСТРОЕНА. УЖЕ НЕ БЫЛО ВАЖНО, ТЫ ТОЛЬКО ГОВОРИЛА, ЧТО НИКОГДА МЕНЯ НЕ ПРОСТИШЬ. В ТУ МИНУТУ Я РЕШИЛ ПОДЕЛИТЬСЯ С ТОБОЙ ОДНИМ СЕКРЕТОМ ЖИЗНИ.

ТЫ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛА СЕКРЕТИКИ, ПОЭТОМУ ПРИ ЭТОМ СЛОВЕ ТВОЕ ЛЮБОПЫТСТВО ВЗЯЛО ВЕРХ.

«НЕИНТЕРЕСНА МНЕ ТВОЯ ТАЙНА», – ГОВОРИЛА ТЫ, НО МОИ ГЛАЗА, КОТОРЫЕ УЖЕ НАЧАЛИ ПРИВЫКАТЬ К ТЕМНОТЕ ШКАФА, ВИДЕЛИ, ЧТО ЭТО НЕПРАВДА. Я ОЧЕНЬ ХОРОШО ТЕБЯ К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ ИЗУЧИЛ, КОГДА ТЕБЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЧТО-ТО ИЛИ КТО-ТО НЕИНТЕРЕСЕН, ТЫ ДАЖЕ НЕ ТРАТИШЬ НА ЭТО ВРЕМЯ, А ЕСЛИ ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ ДИАЛОГ, ЗНАЧИТ, МИЛАЯ, КРЮЧОК ЛЮБОПЫТСТВА ТОБОЙ УСПЕШНО ПРОГЛОЧЕН.

ПОЭТОМУ Я ПРОСТО ПРОДОЛЖИЛ: «МОЯ ХОРОШАЯ, СЕКРЕТ ВОЛШЕБНИЦЫ СВОЕЙ ЖИЗНИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ПРОЩАЯ КОГО-ЛИБО, ТЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДЕЛАЕШЬ ХОРОШО СЕБЕ. ПРОСТИТЬ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА – ЭТО, ПОЖАЛУЙ, ОДИН ИЗ САМЫХ ЭГОИСТИЧНЫХ ПОСТУПКОВ».

«И ВСЕ? ЭТО ТВОЙ СЕКРЕТ. АХ ТЫ ОБМАНЩИК, ЗРЯ Я ТЕБЯ ПУСТИЛА В СВОЙ ШКАФ», – ИГРИВО ЗАГОВОРИЛА ТЫ И НАЧАЛА В МЕНЯ КИДАТЬ ВСЕ, ЧТО ЛЕЖАЛО НА ПОЛКАХ. Я НЕ ОСТАЛСЯ В СТОРОНЕ И С УДОВОЛЬСТВИЕМ УСТРОИЛ ТЕБЕ ВЕЩЕПАД, ПРЯМО НА ГОЛОВУ. ВЫВАЛИЛИСЬ МЫ С ТОБОЙ ИЗ ШКАФА ДОВОЛЬНЫЕ И ХОХОЧУЩИЕ.

ТВОЯ МАМА, УСЛЫШАВ НАС, ЗАБЕЖАЛА В КОМНАТУ, И, КОНЕЧНО, НАМ ДОСТАЛОСЬ, ОСОБЕННО МНЕ, КАК БОЛЕЕ ВЗРОСЛОМУ И «КУДА ВОООБЩЕ СМОТРЯЩЕМУ ОТЦУ». МЫ ДОЛГО ЕЩЕ СОБИРАЛИ ВСЕ ВЕЩИ И СКЛАДЫВАЛИ НА ПОЛКИ, НО Я ГОТОВ БЫЛ РАЗБРОСАТЬ ИХ ВНОВЬ И ВНОВЬ, ЧТОБ ПРОДЛИТЬ ЭТИ МИНУТЫ РЯДОМ С ТОБОЙ.

ТОГДА ТЫ МЕНЯ ПРОСТИЛА, НЕ ПОНИМАЯ ЕЩЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «ЭГОИСТИЧНЫЙ», ПРОСТО, БУДУЧИ РЕБЕНКОМ, НЕ УМЕЯ ДОЛГО ОБИЖАТЬСЯ.

НО КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА ТЫ БУДЕШЬ ЧИТАТЬ ЭТО ПИСЬМО, ПОЖАЛУЙСТА, ПОМНИ, ЧТО, ПРОЩАЯ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ БУДУТ ТЕБЯ ОБИЖАТЬ В ЭТОЙ ЖИЗНИ, ТЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДЕЛАЕШЬ ХОРОШО СЕБЕ. ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ КАЖДЫЙ, КТО ВСТРЕТИЛСЯ ТЕБЕ НА ПУТИ, НЕ ДРУГ И НЕ ВРАГ, ЭТО ТВОЙ УЧИТЕЛЬ. БУДЬ БЛАГОДАРНА ЕМУ И ТВОРИ СВОЙ МИР САМА, ТАКИМ, КАКИМ ОН ТЕБЕ НУЖЕН. ПРОЩАЙ ЛЮДЕЙ ЗА ИХ НЕСОВЕРШЕННОСТЬ. ПРОЩАЙ СЕБЯ, ЧТО НЕСОВЕРШЕННА САМА. ПРОСТО ЖИВИ СЕРДЦЕМ.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»

Обычно все папины письма летают с ней, и она сразу перед началом полета кладет их в спинку кресла и выбирает то, к которому потянулась рука. Она давно заметила, что интуиция всегда подкидывает именно нужное письмо, как будто сама Вселенная дает через эти письма ответы. И сейчас это письмо про обиды, и как верно подметил папа, что если мне неинтересна ситуация или человек, я даже тратить время не буду на это. Но я не могу себя обманывать, мой сосед меня явно интересуется. Пытается наладить со мной диалог, я зачем-то капризничаю. Ну, нуужесли мне так тяжело рассказать, что я обычно читаю, какую литературу предпочитаю?! Давай, София, от общения с незнакомцем еще никто не умирает.

– Вы интересовались, что я обычно читаю? – заговорила она снова с ним, продолжая смотреть в иллюминатор. – Я читаю книги и людей. Я люблю приезжать в новую страну, город, выбирать на одной из улочек уютное кафе, желательно такое, через которое будет проходить

много людей: пар, одиночек, семей, детей. Я заказываю себе чай без чая и начинаю читать людей и их судьбы.

Смотрю на кого-то, кто привлек мое внимание, и начинаю придумывать, чем он живет, почему он сегодня здесь, почему сегодня на нем или ней это платье, рубашка, юбка, что заставило их выбрать эти ботинки, туфли, почему они такого цвета. Дальше я изучаю во всех деталях внешность привлекшего меня индивида, у девушек меня всегда привлекает прическа, как уложены их волосы, сколько времени на это они потратили, затем я наблюдаю за поведением, отношением друг к другу: целуются, ругаются, плачут, смеются, грустят или улыбаются миру, который улыбается им в ответ.

Мне интересно все: что они заказывают на обед, что они пьют, о чем они мечтают. Так я их читаю и через все это рисую их жизнь, рисую своим воображением, раскладываю картинку в пазле жизни. Что же будет дальше, когда они встанут из-за стола, когда разойдутся в разные стороны, когда пожмут руку или поцелуют в щеку. Что будет дальше? Я с самого детства любила рисовать. Как только родители отдали меня в изостудию, я полностью растворилась в своем мире образов и красок.

– Вы любите живопись? – спросила она Андрея, повернувшись, наконец, к нему.

«Ну, а я кого предупреждал? – возмутился разум. – Вот, получи! Твой сосед-романтик спит, несмотря на то, что три раза пообещал этого не делать. И это даже неважно, что ты считала, сколько раз он пообещал. Важно то, что он, как, впрочем, и все мужчины, не сдержал своих слов. Тут еще даже не пахло ванилью, а уже горечь разочарования».

«Какая дура! – злилась она на себя. – Распинаюсь перед ним, открываю ему свой внутренний мир, а он храпит в ответ. Хочется верить, что он был джентльменом и заснул раньше, чем я начала свою пустую болтовню, хочется верить, что он заснул не под мой монолог.

С чего я вообще решила начать рассказывать о себе? Ну конечно, спасибо тебе, интуиция, нужное письмо подкинула. Подмигиваю тебе своим смайликом. Наивная особа, двадцати трех лет, была положена на лопатки запахом алкоголя, настоящего на интеллигентности, знании пяти языков, и с добавлением щепотки романтики, так, знаете, для улучшения вкуса. Как мало нам, девушкам, нужно!»

Однако за то, что произошло дальше, ей будет стыдно очень долго, но она не смогла удержаться. Поняв, что он спит, София позволила себе впервые за полет на него внимательно посмотреть. И ладно бы, если б посмотрела и занялась своими делами. Нет же, она стала его рассматривать, во всех деталях смакуя его образ.

Перед ней был уже сформировавшийся мужчина, двадцати семи – тридцати лет, брутального вида. Его темные волосы очень привлекательно ложились на бок и немного струились вдоль виска, что придавало его образу некий налет романтизма. Щетина нескольких дней свежести также шла ему на пользу.

Конечно, она не могла пройти взглядом мимо его губ. Сначала она проскользнула, но очень скоро вернулась к ним снова. Губы были идеальны: пропорциональные, не сжатые, не узкие, в меру пухлые и слегка приоткрытые во сне.

«Так, стоп, мне кажется, кто-то направился не туда!»

Итак, продолжаем... нос, ну, нос как нос. Хотя какое значение имеет нос, когда у него такие губы!!!

Нос был слегка большеват, хотя, как пишут в дамских журналах, это скорее плюс. Скулы добавляли лицу симметричность и в то же время выдавали легкую усталость ее спутника по рейсу. Дыхание во сне было ритмичным. Такое ощущение, если закрыть глаза, как будто шумит океан, прилив сменяет отлив, очень глубокое дыхание. Будто берет свое начало в самом низу и, наполняя всю грудную клетку, дарит ее хозяину много силы и энергии.

«Так, снова не те ассоциации! Тебя волной подхватывает и уносит. Предупреждаю, – вопил разум, – тебе будет очень тяжело остановиться».

Однако, продолжая его жадно рассматривать, она поняла, что он ей симпатичен, более того, у них могло даже что-то получиться. Ей всегда нравились мужчины, с которыми можно было говорить днями и ночами. Правда, такие встречались редко и, как правило, были уже в отношениях.

Внешность для нее никогда не была на первом месте, но если жизнь подкидывает симпатичные сюрпризы, как сегодня, то зачем отказываться. Ну и, конечно, ей всегда хотелось видеть рядом стройного, подтянутого мужчину, занимающегося спортом и ведущего здоровый образ жизни. Она всегда относилась к отношениям очень серьезно, может, поэтому их-то и было в ее жизни меньше, чем пальцев на одной руке. И уж если она отдавалась отношениям, то рассматривала мужчину сразу как потенциального отца ее будущих детей.

И, безусловно, ее избранника ну никак не могла миновать участь сравнения с папой, с которым у нее была не просто связь отца и дочери, их соединял неразрывный канат доверия и безусловной любви. Который, между прочим, отец давно готов был разорвать, мудро понимая, что после восемнадцати лет его дитя полностью свободно и должно строить свои личные отношения, искать себе новый источник, к которому она подключится и вольет в него свою лунную энергию. Но, судя по всему, она сама пока была к этому не готова.

Возвращаясь к внешнему виду и формам, стоит отметить, что ее воздушный попутчик был очень даже строен, атлетически сложен, как она любила, ничего лишнего, руки и плечи внушали доверие, и в них хотелось уткнуться.

Рассмотрев Андрея во всех мельчайших деталях, она не остановилась. Зная, что ей будет стыдно еще сильнее, она взяла его книгу. Взяла без спроса, взяла украдкой. Ей было очень интересно, что же он читает. Он ее почувствовал очень тонко: она действительно была крайне любопытна.

Книга называлась «Вишневое варенье для успеха». Она слышала об этом произведении, в нем давался рецепт достижения цели. Ее очень впечатлило, что он не просто читал книгу, а выделял в ней маркером важные для себя части. София знала, что есть как сторонники этого метода, так и противники. Она скорее относилась ко вторым. Потому что считала, что если выделяешь в книге какой-то фрагмент, то это тебя якорит в ней. И в следующий раз, когда ты ее берешь в руки, то, пролистывая, обязательно будешь останавливаться на моментах, которые ты выделил. Однако ты, когда читал ее в прошлый раз, и сегодня, – это два разных человека, и, возможно, тогда ты обращал внимание на одно и делал акцент на этом, а сейчас тебе уже важно другое. Но из-за таких маркеров ты «другое» не увидишь. Поэтому она никогда ничего не выделяла в книге, оставляя себя открытой новым возможностям и граням жизни.

Ее же папа делал как раз наоборот. Он говорил, что редко возвращается к книге второй раз и выделенные фрагменты использует для дела. Возможно, у Андрея была та же история, но уже сам факт того, что он не просто читает книгу, а работает с ней маркером, ее, безусловно, впечатлил.

Ей было очень интересно узнать, на чем он остановил свое внимание, ведь по выделенным фрагментам она могла составить для себя более глубокий портрет его личности. Очень многое из выделенного было про то, как ставить «правильные» цели и какие качества для их достижения требуются человеку. Одна из цитат звучала следующим образом:

«УСПЕХ ДАЕТ ПОДСКАЗКИ. ВДОХНОВЛЯЯСЬ, ДЕЙСТВУЙТЕ!»

Ей очень нравился призыв, так как она верила в то, что именно действие наполняет жизнь смыслом. Каждый день, совершая маленький шаг, ты движешься к большой победе. Победе над собой, своими страхами, сомнениями и унынием.

Неожиданно она увидела очень большой отрывок, выделенный маркером. Любопытство сделало свое дело, и она погрузилась в этот текст:

«Успешный мужчина, да?!

Телефон – давно не средство связи, а модный аксессуар. машина – не аппарат для перемещения из точки А в точку Б, а что-то состоящее из тюнинга, выхлопной трубы поогромнее и желательнее двух, а значок на капоте – из тройки самых-самых (ну ты понял). И ты давно не знаешь, сколько стоит буханка хлеба и литр молока.

В общем, есть многое, осталось найти идеальную женщину, и пазл сложится в идиллическую картинку. Просьба читать внимательно и не перепутать с идиотической, грань слишком тонка.

Итак, охота начинается. Идет время – успешный мужчина ищет, но почему-то не находит. Мужчина нервничает, злится, если кто не знает, мужчина склонен к вспыльчивости и агрессии. И где же она, это милое создание, которое никак не хочет завершить успешную картинку современного мужчины? И не выберешь ведь ее по каталогу, задав вопрос интернет-поисковику и отмечая галочками то, что тебе требуется: готовка три раза в день, еще не успел чихнуть, а уже платок поднесли.

И все друзья тебе завидуют, собери всех мисс Мира, и не затмят. А еще опция «говорит, когда хочу, молчит, когда лишь моргну». Про себя вспоминает только тогда, когда надо навести красоту. Личных планов и дел быть не может, вся растворяется в тебе. Любое твоё желание исполняет и даже предугадывает. А как крестиком вышивает, загляденье. Хотя нет, это уже лишнее. Где тут функция delete?

Ну как – круто?! А теперь помечтаем – такая нашлась, сидит рядом. Пылинки сдувает. Но проходит пару дней, и ты понимаешь, что с пылью легко справится пылесос, и его по гарантии сдать можно. Вкусное блюдо можно заказать и в ресторане, салоны красоты не хочется делать гостевой дачей. Шкафы от вещей модных не закрываются, а ей нечего носить. И вообще все три твои вещи давно пора убрать из шкафа, как выясняется, ведь именно из-за них он не закрывается.

Идеальность начинает растворяться. Такое впечатление, что вместо шоколадного мороженого дали пломбир с тонким-тонким слоем шоколада, он начал таять и скоро оголит всю истинную натуру... холодную и принципиальную. Ну, здравствуй, Снежная Королева!

Коллеги, это я обращаюсь к вам, приедем с Марса, согласитесь, что идеальность скучна. Она предсказуема и неинтересна. Сидит в своем идеальном гареме, и придаться не к чему. Ну конечно, хочется, чтобы твоя женщина умела приготовить тирамису по-итальянски, утку по-пекински или лечо по-болгарски, но, с другой стороны, можно сразу перейти к сладкому и без десерта.

Еще хочется, чтобы милая сорочки стирала. Стрелки наглаживала или галстук двадцатью пятью способами на шею завязывала, хотя это может быть и опасно, может ведь затянуть и потяжсе! И конечно, хочется всегда рядом видеть ухоженную, с идеальной фигурой, волосинка к волосинке, женщину. Но иногда и встреченный с нею новый день в твоей слегка помятой, пойманной где-то на просторах пола, безразмерной (для нее) футболке делает твою вторую половину королевой... в глазах, наполненных любовью, конечно.

Главная задача женщины (идеальной и неидеальной) – это быть счастливой, главная задача мужчины – ее такой сделать.

И, наверное, это одна из самых сложных задач в жизни успешного мужчины. Иногда это гораздо сложнее миллионов сделок, ведь это сделка с самим собой. Необходимо однажды

решишь, что ты готов отдавать ей свое время, заботу, мысли и мечты. Ведь иногда за ее мечту придется заплатить своей. Женищина любит быть единственной, защищенной, она хочет, чтобы в любой ее неровности ты видел изюминку.

Она хочет тебя слышать, видеть, чувствовать, даже тогда, когда ты занят, очень занят, а ей надо сейчас. Потому что весь мир подождет, а она – нет! И вот такая вот неидеальная даст тебе гораздо больше, чем эталон домохозяйки, красоты или гостеприимства. Такая несовершенная, но с горящими глазами наполнит тебя своей энергией. Женская энергия, сливаясь с мужской, создает волшебство. Мужчина, благословленный женщиной, – победитель. Такому мужчине открыты все двери, его дороги до цели самые короткие, такой мужчина поддержан высшими силами. Ради такой женщины можно на ужин и салат из супермаркета.

Приятного аппетита! Ведь это правда, к нам, мужчинам, путь именно такой – прямой и не извилистый, – накорми, и мы ваши, а вот «идеальную» Венеру еще пойми, что привело к этим нахмуренным бровям. И что с того, что она не сказала. Ты не услышал, ты не увидел, ты не почувствовал. Ну и кто ты после этого?! Бревно, о ужас! В эту секунду беги, мой друг. Даже если ты не атлет, беги!!! Если на пути, конечно, меховой салон попадется, то можешь беги замедлить.

Мысли могут влиять долго, суть одна. Зачем слова, когда все сказано глазами. Пусть взгляд вашей женщины станет счастливым, и, восхищаясь ее неидеальностью, вы будете вознаграждены».

Ее впечатлили эти слова, но еще более ее впечатлило, что Андрей выделил для себя этот отрывок. Он хоть и был частью книги, но, по ее мнению, имел право на отдельное существование. Очень лаконично, иронично и точно автор отразил взаимоотношения двух полов. Она была согласна с каждой буквой.

Заканчивая смотреть книгу, София четко решила, что она ей нравится не меньше, чем ее хозяин. И если его как книгу ей прочесть вряд ли удастся, то данный экземпляр в свою библиотеку она обязательно приобретет.

Уже закрывая «Вишневое варенье для успеха», она решила поиграть с судьбой. Открыв книгу снова, она написала свой номер телефона и оставила надпись:

«ЗВОНИ, ЕСЛИ ДЫШАТЬ БЕЗ МЕНЯ СТАНЕТ СОВСЕМ ТРУДНО. ЭТОТ ТЕЛЕФОН ПРИНАДЛЕЖИТ НЕ ИДЕАЛЬНОЙ, НО МЕЧТАЮЩЕЙ СТАТЬ СЧАСТЛИВОЙ».

Эту часть он уже прочел, и сейчас к ней вряд ли вернется, учитывая, что впереди еще больше половины книги. Но однажды, если судьбе так будет угодно и он будет полон решительности действовать, зайдя дальше своих слов, они смогут встретиться снова.

Положив книгу на место, она поняла, что не хочет сейчас ничего уже больше читать, ей хотелось просто смотреть на облака, пролетающие под ней, осознавать уникальность момента, что она человек без крыльев, а летит, может видеть эту красоту и наслаждаться ей.

В эту минуту по ней пробежали мурашки благодарности. Так было часто, когда она искренне радовалась мигу настоящего и благодарила Высшие силы за то, что у нее есть в жизни.

Загорелась лампочка, самолет шел на посадку, попросили пристегнуть ремни. Андрей, несмотря на все громкие объявления, продолжал спать так сладко, словно малыш. Было так интересно за ним наблюдать. В эту минуту ей показалось, что рядом сидит тот маленький и беззащитный Андрэ, которого удалось раскрыть няне Софи и который сегодня возмужал

и превратился в уверенного мужчину, однако там, глубоко в нем продолжает жить ребенок, который, судя по всему, недополучил родительской любви.

Мамы рано не стало, а папа был занят чем-то другим. Ей тяжело было это понять, как это – жить без любви родителей, так как сама она в ней, безусловно, купалась. На мгновение ей стало его так жалко, может, и вправду в этом что-то есть: Софи и Я... София. В этих мыслях самолет успешно приземлился в Мадриде.

Сначала она думала, что разбудит его и сообщит о том, что он не сдержал своего обещания, как она и предполагала. Но затем она решила, что будет очень неловко ставить его в это положение, унижительно для ее попутчика, поэтому она просто проскользнула мимо, благо они сидели на «спейс – местах» и она могла это сделать без труда.

– Молодой человек, наш рейс завершен. Молодой человек, просыпайтесь, пожалуйста!

Андрей нехотя открыл глаза. Сначала он даже не понял, где находится. Голова болела, состояние было мутным. Но в следующий миг все начало всплывать картинками, образами: красивая молодая девушка, уникальные глаза, любопытная и строптивая, София... Я спал. Я заснул. Я – кретин. Как я мог? Ведь я же ей обещал.

– Скажите, а где София? – спросил он стюардессу.

– Я не понимаю, о ком вы говорите! Последний пассажир покинул салон самолета уже пять минут назад, вы долго спите, молодой человек, – слегка раздраженно ответила ему она.

Он быстро схватил свои вещи и побежал.

– Молодой человек, вы забыли книгу! – пронеслось ему в спину.

– Оставьте ее себе. Это сейчас неважно!

Он бежал все быстрее, но конца этому аэропорту не было. Добежав до транзитной зоны, он свернул в нее.

– Ваш посадочный, – слова, встретившие его и охладившие налетом официальности.

– У меня его нет.

– Вы куда летите дальше?

– Я прилетел, но мне надо туда, вы не понимаете, там меня ждет девушка.

– Мужчина, отойдите, пожалуйста, иначе я вынуждена буду позвать охрану, – получил он в ответ явно непонимающее безразличие.

Он бросил эту затею и понял, что может еще успеть выйти из аэропорта и купить билет на любой рейс, ворваться в зону вылета и искать ее. Но знать бы, куда она летит. На выходе зоны прилета его ждала младшая любимая сестренка.

– Андрей, привет! – замахала она ему двумя руками.

– Дашуль, привет! – ответил он ей, крепко обнимая и кружа ее в воздухе.

– Как ты, братишка?

– Так себе. Я встретил в самолете прекрасную девушку, которую не смогу забыть, но я не знаю, как ее найти. Я обещал ей не спать, но заснул. Мы сидели вместе, пока я спал, она ушла, наверное, разочарованная во мне. У нее стыковка, но я не знаю, куда она летит. Но я знаю, что делать, подожди меня еще здесь немного.

– Ну конечно, я подожду, ведь я приехала за тобой. А что ты собираешься сделать? – спросила его сестра.

– Я сейчас куплю билет на любой рейс и пойду ее искать, – ответил он ей.

– Андрей, ты о чем? Это безумие. Ты представляешь, сколько людей в аэропорту, как ты ее будешь искать? Ты даже не знаешь страну, куда она летит дальше. Сколько у нее стыковка будет длиться? Все это бессмысленно, – говорила ему Дарья, а сама четко уже понимала, что ее целеустремленный брат не остановится.

– Я не прощу себе, если не сделаю этой попытки, – эти слова Андрей уже кричал на ходу, удаляясь в сторону касс аэропорта.

Быстро купив билет, он устремился в зону вылета. Как назло, все было очень долго, спящие досмотрщики как будто сговорились и делали так все медленно, как будто весь мир против него. Наконец-то он ворвался в зону вылета, которая тщательно запрятала от него девушку с глазами цвета неба, такими же синими и такими же глубокими.

Аэропорт тянулся в разные стороны, как большой город с бесконечными улочками, с одной разницей в том, что вместо туристов здесь было полно людей, ожидающих своего вылета и полностью безразличных к поискам Андреем своего счастья.

Поначалу он пытался кричать ее имя. Пару раз ему казалась, что вот она, он догонял девушку, дотрагивался до ее плеча, но в ответ к нему поворачивалась неизвестность. Через час он сдался и пошел на выход. Еще полчаса пришлось потратить на то, чтобы объяснить служащим аэропорта, что он никуда не полетит и его должны выпустить.

Даша ждала его терпеливо. Сестренка всегда была для него тем добрым другом, который его понимал, принимал таким, какой он есть. Он же стал для нее тем, кто был ближе всех, когда их мама умерла. Со старшим братом все было наоборот, тот стремился всегда оправдать ожидания отца, что сильно злило Андрея и истощало их родственную связь.

– Спасибо, что дождалась меня.

– Незнакомка растворилась как утренний туман?

– Не шути, и так тошно. Еще эта встреча завтра с ним.

– Ты опять пил?

– Не пил, а старался забыться.

– Тебе не надоело прикрываться алкоголем и прятаться в нем? Не проще ли просто поговорить с отцом, составить с ним диалог двух взрослых мужчин.

– Даша, у нас впереди долгая дорога, я успею еще послушаться твоих нотаций. Поехали, извини, что заставил ждать.

– Ладно, не расстраивайся. Столько еще встреч у тебя будет впереди, поверь мне. Если бы ты понравился девушке, она бы не исчезла просто так. Какой-нибудь знак бы точно оставила.

– Спасибо, подбодрила.

– Пожалуйста, лучше эту правду скажу тебе я, чем ты будешь мучиться дальше и сожалеть, что заснул.

– Хорошо. Может, ты и права. Может, просто показалось. Но знаешь, почему-то внутри меня такое странное чувство, что один сегодняшней день ярче, чем вся моя прожитая жизнь до него.

Даша заметила, что, пока они шли в машину, брат был чем-то очень обеспокоен. И это была не только встреча с неизвестной для нее девушкой, что-то явно его еще тревожило.

– Сестренка, у тебя есть листик?

– Андрей, какой листик?

– Обычный лист и ручка, – повторил он.

– Посмотри в бардачке.

– Господи, Даша, у тебя здесь чего только нет, но лист и ручка отсутствуют.

– Слушай, это мой бардачок, поэтому что хочу, то и вожу в нем! – гордо заметила она.

– Конечно, вози что угодно. Но неужели нет ничего, на чем можно записать?

– Знаешь, я как—то, собираясь встречать тебя, не думала, что мы будем наше общение записывать. Вернее, так: я буду одной рукой рулить, а второй писать, – дополнила она. – Ты так себе это представляешь?

– Ну ладно, не ворчи, вот, нашел, – ответил ей Андрей. – Что это?

- Это чек.
- Отлично, его и использую.
- Подожди, дай гляну, может, его нельзя брать.
- Да прекрати ты, это всего лишь бумажка.
- Это для тебя «всего лишь», дай мне взглянуть.
- А как же руль? Ты же «правильный» водитель! Одной рукой вести авто, а другой держать чек, и еще отвлекаться от движения, чтобы проверить, что там в нем напечатано... Не узнаю тебя, моя самая ответственная и самая любимая на свете сестренка.
- Ты прав, – ответила ему Даша.
- Что ты делаешь?
- Сворачиваю на обочину, мы останавливаемся.
- Ну ладно, хватит, я тебе зачитаю, что тут написано, а ты скажешь, можно ли взять этот чек.
- Да бери, можно.
- Ты не будешь смотреть, что это за чек?
- Нет.
- А если я его испорчу, ты даже не расстроишься?
- Нет.
- Почему?
- Потому что там нет ничего важного, я просто шутила с тобой, – сказала Даша и звонко засмеялась.
- А я-то думал, ты не расстроишься, потому что я – твой родной братишка, по которому ты очень соскучилась и которого очень сильно любишь и для которого ничего не жалко.
- Ну, поэтому, конечно, тоже, – продолжая смеяться, ответила она.
- Я понял, ты хочешь позлить меня, маленькая жучка.
- Как ты меня назвал? Пошли в дело детские клички?! Ну, держись, Эйфеленок.
- А ты – сосиска вареная, – продолжил Андрей.
- Свин-пересвин!
- Гусеница опухшая!
- Андрей, остановись, я не могу. У меня от смеха слезы на глазах, а мне еще надо тебя довести до дома.
- Это не дом, ты знаешь мое отношение к этой встрече.
- Ладно, давай сейчас не будем об этом. А зачем тебе нужен был мой чек? – спросила его Даша.
- А ручка есть?
- А ты знаешь, вопросом на вопрос невежливо отвечать!
- Хотя не надо, вроде у меня есть в сумке, – продолжил Андрей, не обращая внимания на комментарии сестры.
- А зачем тебе все это так срочно понадобилось, что ты хочешь записать?
- Стих.
- Не может быть, я не верю тебе. После смерти мамы ты написал стихотворение для нее и сказал, что больше этого не сделаешь никогда.
- Даша, я ошибся. С сегодняшнего дня я хочу писать стихи снова, и этот даже не мое желание. Они льются из меня, я просто инструмент Высших сил, мне надо записать эти строчки, иначе я взорвусь.
- Очень неожиданно, – ответила ему Даша.
- Готово! Послушаешь? – спросил ее Андрей спустя несколько минут.
- Ну конечно, братишка, я вся внимание. Неужели это твоя незнакомка тебя так вдохновила?

Ответом же ей была уже первая строчка стихотворения...

ЗАЧЕМ СЛОВА

*Зачем слова,
Когда все сказано в глазах.
В них нежность и любовь
И потерять тебя здесь затаился страх.*

*Еще здесь преданность
И восхищение тобой.
Надежда, что предназначен
Я тебе судьбой.*

*Слова порой бывают так жестоки,
Глаза же не обманут никогда.
Когда прочтешь в глазах моих ты эти строки,
В твоих глазах увижу отражение себя.*

Глава 2

«Потерять, чтобы обрести»

– Я люблю эти ежегодные встречи лишь за то, что мы можем вот так долго с тобой болтать и проводить время весело, – сказал Андрей сестре.

Они ехали с Дашей до Коста-дель-Соль уже три часа, и впереди их ждало примерно столько же. Он очень любил свою сестренку и всегда был рад провести с ней хоть одну минутку. Ежегодные встречи на вилле у отца давали им возможность взять у времени кредит и наслаждаться обществом друг друга.

Когда мамы не стало, ему было около двенадцати. Сложный переходный период омрачился еще и тем, что ребенок никак не мог уложить в картину своего идеального мира. Тогда пришлось повзрослеть разом, как будто кто-то решил сделать из мальчика мужчину, даже не посоветовавшись с ним.

Мама для него была всем. С первых дней его жизни она окутывала его своими любовью и заботой. Он никогда не сможет забыть прикосновения этих рук с утра, которыми она заботливо проводила по его щекам и каждое утро, будто приглашая его в новый день, проговаривала: «Вставай, сынок, доброе утро». Ее руки всегда пахли ароматом печенья с корицей, и даже когда его не было на завтрак, они все равно так умело сохраняли этот запах в себе. Запах уюта и тепла, комфорта и безопасности, так пахла мамина любовь в его воспоминаниях.

И каждое утро этот запах чего-то родного сначала проникал в его еще дремлющее сознание, и лишь затем его глаза начинали приоткрываться. Своей теплой ладошкой мама проводила по его щеке, говоря ему о том, что «герою пришло время вставать, ведь его ждут великие дела».

Когда его мир рухнул, сестренка была совсем крохой, для Андрея уж точно. Ей было тогда пять. Еще у него был брат, которому на тот момент исполнилось пятнадцать, всегда правильный, педантичный и заносчивый оттого, что он старший и главный, после отца, конечно. И конечно, старший брат часто своим главенствующим положением пытался пользоваться, заставляя делать Андрея то, что он не хотел и что ему не нравилось. Все это его очень раздражало и раздражает до сих пор в брате. Но так было не всегда, когда-то ближе них не было никого на свете. И это тоже было заслугой мамы.

Благодаря тому, что она, несмотря на разницу в возрасте в три года, часто находила для них занятия, которые нравились им двоим. Это помогло старшему брату стать более самостоятельным и играючи, ненавязчиво получить опыт наставничества, обучая младшего какому-то навыку, которым тот еще не овладел. Не всегда проходило это гладко и хватало терпения, но чаще у них получалось прожить это время в дружбе. Андрей же в эти минуты видел в своем брате уверенность и опыт, и он становился для него авторитетом. Они даже так сдружились, что на плаванье ходили вместе. Вернее, изначально туда пошел Олег, а Андрей уговорил всех, что ему тоже надо к старшему брату, и именно в его группу, так и получилось, что он был в ней самым маленьким, но и при этом самым довольным, ведь он плавает со своим братом, он очень гордился им.

И конечно, вместе им было очень интересно играть, ведь по-другому быть и не может, когда рядом с тобой близкий человек, которому ты доверяешь и которого ты принимаешь полностью, без остатка.

Понятно, что, будучи пацанами с характерами, они не могли не драться, но, даже поругавшись и заявив, чтоб один не трогал игрушки другого, пока тот играет с ними, они все-

гда искоса посматривали друг на друга. Постепенно в их большой комнате с отдельным пространством для каждого как будто становилось все меньше места, солдатики и машинки приближались словно намагниченные, и наступал момент, когда вдруг начиналась общая игра, которая за собой приводила следом и их новую дружбу после не слишком затяжной ссоры.

Это было ровно до того момента, когда мамы не стало. После этого Андрей ушел в себя, а Олег, будучи уже подростком пятнадцати лет, не имел ни желания, ни времени разбираться с психологическими травмами брата. У него на уме уже были первые вечера с девчонками и ровесниками. Младший брат рассматривался как помеха и ненужный свидетель подрастающей молодости с ее первыми пробами и ошибками.

Поэтому очень скоро в жизни Олега для Андрея не осталось места. Прошло уже более пятнадцати лет, но братья так и не смогли вернуть те отношения, что им подарила мама, они стали чужими друг другу, как будто прилетели с разных планет. Каждый из них знал, что в этом мире есть другой, каждый помнил, что надо раз в год поздравить с днем рождения, они даже соблюдали этот ритуал и «галочно» звонили друг другу, ограничивая себя общими фразами «как дела», «как здоровье», «как сам», «ну давай, пока». Чужие друг другу люди чаще позволяют себе больше эмоций, чем два родных брата. Они же закрыли двери в свои миры очень плотно, кто из них первый повесил замок, уже никто не помнит, так же, как и никто уже не знает, где ключи от них. Никто не интересуется, чем живет другой. Никто не знает, как складывался путь становления, как родился из мальчика мужчина, как у них складывались отношения с девушками. Им просто было все равно.

Отец был единственным, кто мог в тот момент скрепить их мужскую дружбу, но его, как всегда, не было рядом. Пока мама была жива, Андрей его еще помнил дома, когда ее не стало, он все реже стал появляться в родных стенах и все чаще приходил к Андрею во сне, там он всегда был с ним, там всегда он был рядом, там они играли и вместе весело проводили время. Мальчик просыпался, и вместе с этим его ждало разочарование, его ждала реальность, наполненная горечью потери мамы, невозможной уже, и еще большей горечью потери отца, который физически существовал, но не в реальности Андрея, там было катастрофически мало отцовской любви. Когда он просыпался, папа уже уезжал из дома, когда ложился спать, то его еще не было.

Часто отец вообще пропадал на неделю-полторы. Мама, как мудрая женщина, в эти дни показывала ему семейный альбом и делилась воспоминаниями о совместном времяпрепровождении, она делала это для того, чтобы сохранить в памяти Андрея все то хорошее и светлое, что было между отцом и сыном. В этих воспоминаниях они с папой катались на лошадке, а на этом фото отдыхали на побережье и отец с ним устроил состязание по поеданию черешни и пулянию вишневыми косточками, кто дальше.

Андрей тогда проиграл и сильно расплакался, так как папа никогда не был готов уступать, он привык быть победителем. Об этом мама, конечно, в своих историях умалчивала, но он это почему-то помнил и без нее. Удивительно, какие-то моменты из детства не остаются в памяти, а какие-то теряются в лабиринтах сознания и неожиданно спустя время находят выход в твое настоящее.

Когда он повзрослел, то стал задавать маме много «неудобных» вопросов: «где папа», «почему он сегодня не с нами», «когда он будет» и так далее. Мама объясняла, что папа их очень любит и старается сделать все, чтоб они были счастливы. Он зарабатывает деньги, он много работает.

Но Андрею всего этого было не понять. Как правило, по воскресеньям отец был рядом. В этот день он старался не работать и проводить его с семьей. Он мог поиграть с мальчишками в футбол, съездить с ними в кино. Мог даже прочитать отрывок из книги. Это было счастьем для ребят. И если Олег как-то спокойно воспринимал его мимолетные появления в жизни семьи, то для Андрея всегда его было мало. Он никак не мог надышаться общением

отца, хотелось с ним больше говорить, хотелось с ним просто молчать, хотелось просто сидеть рядом и впитывать его мудрость. Хотелось, чтоб он рассказывал, как прошли его день, неделя, месяц. Что он делал, куда ходил.

Отец же чаще был молчалив и строг. Но иногда он рассказывал удивительные истории о тех временах, когда он был маленьким и со своим папой (дедом Андрея) ходил на рыбалку. Больше всего любил Андрей эти истории, они для него были погружением в другой мир, словно это не его папа и дед, а два героя – искателя приключений. Что сегодня их ждет: большой сом или извилистая дорога на речку? Кто там спрячется в кустах и попытается им помешать? После этих историй Андрей всегда долго не мог заснуть, придумывал себе уже свои продолжения, и все время скучал. Сколько себя помнит, он всегда скучает по папе. Просто сейчас, во взрослой жизни, он научился не реагировать на свои чувства. Зачем тратить на это свои силы и нервы?! Отец до сих пор где-то в параллельном мире. Ему наплевать на него.

Когда мамы не стало, дома практически не стало и отца. Теперь он мог не появляться неделями, иногда месяцами. Как понял Андрей, повзрослев, работа заменила ему семью и помогла пережить трагедию от потери самого близкого и любимого человека. Часто Андрей задавался немым вопросом: ну почему мы – его семья, его дети – не стали тем спасательным кругом, за который он мог бы ухватиться и выплыть? Вместе мы могли бы помочь друг другу. Он же старше, он же опытнее, он же тот, кто должен нас за собой вести и помогать. Но он не увидел смысл своей жизни в нас. Бежал и прятался в свою работу и бизнес. Неужели все эти цифры, доллары и франки ему интереснее и важнее первого выпавшего зуба Дашульки, неужели ему не интересно, сколько стоило сил и упорства Олегу, чтоб занять первое место в городских соревнованиях по плаванию, он даже не приехал за него поболеть.

Но больше всего Андрей не мог ему простить то, что его не было рядом тогда, когда он был между жизнью и смертью. Прошло уже больше двенадцати лет с того случая, но время было бессильно. Слишком глубокая рана была у Андрея, он как будто специально не позволял ей зарастать. Как будто это давало возможность в любой момент предъявить отцу счет, в любой момент оправдать свою обиду на него. Ведь он не был рядом...

В тот день он, как обычно, вышел из бассейна, но на улице дул сильный осенний ветер. Это был ветер перемен, который всем своим видом говорил о том, что скоро придет зима и от ее промозглого холода никому не спрятаться. Осталось совсем немного, еще пару листьев ветер смахнет с деревьев – и барыня-зима на своих ледяных санях ворвется в этот мир и вступит в свои морозные права.

В этот день пацаны решили над ним подиутить и, вытащив обувь из его кабинки, спрятали ее в девчачьей раздевалке. Будучи упертым пареньком, он решил не унижаться, уговаривать вернуть ботинки он никого не стал, просто посчитал, что в его мире всегда лето, поэтому он пойдет домой в сланцах для бассейна. Максимализм юности и самоуверенность молодости позволили ему выйти на промозглую осеннюю улицу с голыми ногами и недосушенной головой. Независимый и упертый, он гордо зашагал домой.

Естественно, через три часа его сначала зазнобило, затем все его тело стало ломать, голова постепенно превращалась в тыкву, которая готова была лопнуть в любую минуту, через еще час его температура зашкаливала за тридцать девять и пыталась взломать градусник. Ребенок попал в реанимацию с острой формой гриппа и воспалением легких.

Там, находясь несколько дней в полубреду, он мечтал об одном, он хотел, чтоб отец приехал к нему и, как мама, просто гладил его по голове и сказал ему, что он его любит. Чтоб он успокоил его и подарил уверенность в скорейшем выздоровлении. Андрей ждал день, второй, третий.

Пока он ждал, на самом деле находился между жизнью и смертью, иногда ему даже казалось, что он невесомый и видит себя сверху. Он отмахивался от этого, как от бредового сна, и, проваливаясь в белую мягкую вату, растворялся в ней. Иногда рядом появлялась мама,

говорила, как сильно любит его, и просила не спешить к ней. Она уговаривала его еще побыть с папой, Софи, сестрой и братом. В эти минуты ему было очень тяжело сделать выбор, ему хотелось сильно к ней прижаться, снова почувствовать запах корицы, укутаться в ее безусловную любовь; в то же время он понимал, что там его ждут Софи, Даша, Олег и отец.

Выходя из бредового состояния на минуту, он вновь звал папу и, не успевая его дождаться, снова куда-то улетал. Один раз ему в бреду даже показалось, что отец рядом и гладит его по голове. И вот температура сдалась, иммунитет выиграл эту тяжелейшую битву, и он потихоньку, шагами новой жизни, пошел на поправку.

Когда Андрей открыл глаза, полные сознания, то он увидел сидевшую рядом на кровати Софи, на кресле, свернувшись как котенок, дремала Даша, Олег сидел на стуле у окна и читал книгу. Вся семья – вернее, почти вся – была здесь, ждала его возвращения. Но, как всегда, идеальная картина не сложилась, это противное «почти» все испортило. Его не было. Андрей отчетливо помнил, как отец появился ближе к вечеру, подошел к кровати и спросил: «Как твои дела, как ты себя чувствуешь, хочешь ли чего-нибудь вкусного?»

«Но я не хотел есть, как он не понимал. Я хотел, чтоб эта минута остановилась, и он здесь, в настоящем, стоял, сидел, молчал, чтоб он просто был в моей жизни. Почему все эти дни его не было рядом, почему, когда я открыл глаза, его не было? Опять какие-то дела, опять бумаги, встречи, люди, деньги, опять кто-то и что-то важнее нас, меня, моей жизни».

Андрей отвернулся, сказал, что устал и хочет поспать. Отец же сказал ему: «Хорошо, отдохни. И больше, пожалуйста, так не делай, мы волновались за тебя» – и просто ушел, закрыл дверь и ушел. Он просто растворился, как растворяется сахар в чашке горячего чая. Только чай при этом становится от этого слаще, а ему стало очень горько. Комок, подкативший к горлу, не давал ему плакать. Он просто сжимал все внутри.

«Он хоть знает, что мог меня больше никогда не увидеть, или ему вообще все равно?» – эти вопросы в никуда сильно пульсировали в его голове.

– О чем ты молчишь? – спросила Андрея Даша.

Он обожал свою сестру. Она была какая-то нереальная. И фразы строила такие же инопланетные.

– Сестренка, молчать о чем-то невозможно. О чем-то можно думать.

Надо было знать его младшую сестру, этот бочонок счастья, как он ее прозвал в детстве. Она была очень уперта. Если б не она и Софи, он бы точно сошел с ума, потеряв маму.

Изначальной задачей Софи было сделать так, чтоб дети ни в чем бытовом не ощущали себя сиротами, то есть всегда были накормлены, одеты в чистое, выглаженное и всегда с иголки, чтоб, естественно, отцу не было за них стыдно перед учительницей, директором школы, тренером. Перед всеми они должны были быть идеальными в идеальном мире. Но он как будто не хотел понимать, что мир рассыпался, мамы не стало, а он продолжал запикивать себя и своих родных в идеалистическую картину. Она не поддавалась, багет ломался, а он не сдавался, будто этот портрет счастливой семьи висит в фамильном замке и не может быть изменен. Ни его состав, ни ощущения тех, кто там нарисован. У художника все идеально и правильно, он не ошибается.

Но отец ошибся, мир продолжал жить, осень сменяла зима, и снова приходила весна, она была уже новая, уже без мамы. Все – иллюзия, и лишь мы решаем, насколько позволяем жизни себя обманывать. Не важно, что и кто думает, гораздо важнее, знаем ли мы себя истинного, слышим ли мы себя настоящего и позволяем ли себе быть здесь и сейчас в мире,

в котором иногда грустно, иногда больно, иногда некомфортно. Но этот мир есть, и либо мы его принимаем, либо всю жизнь живем ожиданиями других.

Софи отлично справлялась со своей изначальной ролью бытовой няни, при этом главной своей задачей она считала всестороннее развитие нас, поэтому наряду с чистыми и выглаженными сорочками, которые облекали наши физические тела, более тонкие тела надевали на себя мудрость и знания Вселенной, которыми Софи с нами делилась.

И конечно, будучи коренной парижанкой, она обожала свою страну и могла говорить о ней часами, днями, годами. Она часто нам повторяла, что Франция и Россия – это две сестры, между ними много общего, их очень многое связывает как светлого и радостного, так и печального и трагичного. Рассказывала, как в древние времена очень много наших соотечественников проводили свои дни и месяцы в Париже, что этот город был вторым домом для русских писателей, поэтов и художников. Параллельно с этим рассказами она нас знакомила с известными личностями творческой богемы.

С Софи было очень уютно и тепло. Почти как с мамой. Чтобы это «почти» исчезло, ей не хватало малого – стать нашей мамой. Понятно, что это было невозможно. Но в этой невозможности одним своим существованием в нашей жизни Софи доказывала, что невозможное возможно. Благодаря ей мы выросли, насколько это было возможным в нашей ситуации, открытыми, воспитанными людьми. Она постаралась найти в каждом из нас и вытащить наружу из наших потайных углов все то хорошее, что было в нас. Она часто повторяла нам, какие мы талантливые и как ей повезло, что судьба подарила ей шанс провести какую-то часть своей жизни с нами.

До самых последних дней она была для нас милой Софи, которая даже в свои почти восемьдесят запрещала нам называть ее бабушкой.

«Какая я тебе бабушка, эйфеленок?! Бабушки кряхтят на лавочках и смотрят мыльные сериалы, лужая семечки в перерывах на рекламу и заедая это сплетнями праздной жизни, – говорила она мне. — А я дама в расцвете сил, полная энергии жизни, начинающая и заканчивающая новый день словами благодарности и контрастным душем. Дама, которая до сих пор не пропускает ни одной новой театральной постановки и которая, между прочим, знает толк в помаде и последних тенденциях моды».

И это действительно было так. Дашикулькино превращение из маленького бочонка счастья в красивый и изысканный цветок – это полностью заслуга Софи. Именно она показала маленькой девчонке с короткой стрижкой другой мир, в котором женщина может и хочет любить себя, она открыла для нее дверь в моду, которую она по праву считала даром своей страны. Она научила Дашу краситься и наносить помады ровно столько, сколько нужно для молодой девушки.

Часто она повторяла ей: «Милая, помада должна подчеркнуть твоё изящество, а не становиться твоим вторым ртом. Легкость в девушке достигается легкостью макияжа. Ты же не дочь индейца. Ты – нежное интеллигентное создание, Бог наградил тебя красотой, не позволяй косметике все испортить. Все эти пудры, помады, тени и так далее, пусть их будет много на твоём туалетном столике, но очень мало на твоём познающем и расцветающем лице. Красота в естественности».

Софи любила называть сестренку Андрея – Дарена, и часто повторяла ей: «Ты – наш дар, ты – наш лучик солнца в мужском мире этой семьи. В твоём творении лепестки маминой любви, в твоём образе стать отцовской крови, ты способна одарить мир своим появлением. Просто будь собой, такой, какая ты есть. Ты прекрасна, знай об этом и помни всегда».

Особенно они любили вместе коротать время под рассказы Софи о Коко Шанель. Для нее эта женщина была богиней. Богиней, изменившей себя и мир после нее. Именно поэтому самой любимой цитатой Шанель для Софи была эта: «Все в твоих руках, поэтому никогда не опускаяй их».

Она ушла из их жизни так же красиво, как и появилась в ней. Все так же нося на себе разноцветие Прованса, она просто однажды в нем уснула, уснула навсегда. И даже в этот день, как всегда, на тумбочке около ее кровати стояли свежесрезанные цветы из нашего сада, за которым она так старательно и с любовью ухаживала.

Больше всего из цветов она любила пионы. Она не объясняла свой выбор. Она говорила просто: «Любовь не надо раскладывать на слова, ее надо чувствовать». В день, когда ее не стало, на тумбе рядом с ней были именно пионы, как будто она ждала, пока они зацветут, не могла себе позволить покинуть этот мир, не увидев своих любимых цветов напоследок. В ее комнате, на первый взгляд, все было как всегда, однако если посмотреть повнимательнее, то можно было заметить, что пионов в вазе было только два. Софи чувствовала, что этот день для нее станет последним днем этого воплощения.

Она часто говорила: «Милые дети, смерти нет. Есть просто переход в новое. Помните, что вы больше, чем ваше тело. В вас живет уникальная душа, вы вечны. Что для гусеницы смерть, для бабочки – начало. Наши тела – временный дом, за которым надо ухаживать, который надо любить и уважать, но при этом всегда надо помнить, что придет время – и мы покинем свой дом, каким бы красивым, уютным и комфортным он ни был. Поэтому цените не вещи, вас окружающие, а цените людей, создающих их, и цените общение с ними. Составляйте ожерелье вашей жизни из таких качеств, как доброта, сострадание, поддержка, понимание, честность, доверие и, конечно же, любовь».

Именно в этом ожерелье она и покинула мир. Софи, их радужная фея! Андрею казалось, что она была послана к ним и благословлена мамой с небес. Позже он догадался, почему же среди всего многообразия цветов она своим сердцем выбрала раз и навсегда пионы. Возмужав, он понял, что каждый цветок, как и каждая женщина, неповторим и прекрасен. Но только появление пиона летом не проходит бесследно, как и знакомство с Софи. Только глубокий аромат этого цветка был сравним с глубиной общения с ней, с их Софи.

– И все же: о чем ты молчишь? – снова прервала его мысли Дашуля.

– А ты настырная!

– А то ты не знал!

– Как здорово, что ты у меня есть.

– Это начало твоего нового стихотворения? – игриво уточнила у брата сестра.

– Нет, это мое отношение к тебе, – ответил, улыбаясь ей, Андрей. – Я помню свои ощущения, когда мама ушла навсегда и нам надо было как-то учиться жить в новой реальности. Ты стала для меня тем светом в конце тоннеля, который помогает поезду не сбиться с пути. Ты по своей наивности часто повторяла, что мама скоро приедет, просто она уехала далеко-далеко, но скоро она обязательно вернется. Мы даже не стали тебя разубеждать, потому что не находили слов, которые можно аккуратно было бы положить в твое пятилетнее сердечко и не разбить его.

Как сказать тебе, маленькой крохе, что мама больше не сядет вечером на твою кроватку, чтобы расчесать твои кудрявые волосики перед сном, как тебе объяснить, что она больше никогда не заплетет тебе косичку и не повесит на нее твой любимый бантик в розовый горошек? Как рассказать тебе, что ее не будет рядом, когда ты захочешь с ней поделиться своими впечатлениями о своей первой любви? Как объяснить тебе, что твой любимый малиновый пирог уже никто не испечет, а даже если и испекут, то он будет другим, ведь там не будет главного ингредиента, там не будет маминой любви, с которой она замешивала тесто, засыпала малину сахаром и своими заботливыми руками выкладывала эту красоту на противень. Я не понимал тогда, как помочь тебе это пережить.

Но в жизни всегда бывает так, когда ты доходишь до грани, когда кажется, что уже нет больше сил, происходит чудо, происходит что-то такое, что помогает тебе снова встать и идти дальше. И этим чудом для меня стала ты. Я хотел тебе помочь, а получил спасение сам.

– Андрей, это не так. Ровно настолько я помогла тебя, ровно настолько ты помог и мне. Ты был рядом со мной, ты стал моим проводником в этот стремительно взрослеющий мир, ты показал мне, что жизнь продолжается, когда рядом есть близкий человек, когда есть в чью ладонь вложить свою ладошку, чтоб идти дальше, идти смело и идти вместе, – ответила ему Даша.

– Спасибо, сестренка. Ты помнишь тот вечер?

– Конечно. Каждую деталь помню, – сказала она, смахивая слезу со щеки, молодой, усыпанной такими жизнерадостными веснушками.

– Я тоже помню его, как будто все было вчера: ты позвала меня к себе в комнату и сказала, что не можешь уснуть. Я поинтересовался, что у тебя случилось, что тебя так беспокоит. Ты же сказала, что ты хочешь рассказать мне один секрет, только я должен его хранить в тайне, что бы ни случилось.

– «Обещай мне!» – я помню, как строго тебе заявила в тот вечер.

– «Обещаю, Дарена» – сказал я, зевая и желая, если честно, поскорей уснуть снова.

– «Ты клянешься?» – не успокаивалась я. «А что если тебя будут пытаться ста килограммами шоколада, или нет, тремястами килограммами жвачки, и просить выдать мой секрет, что тогда будет?»

– «Я ничего все равно не скажу, честно-честно» – не моргая сонным глазом, продолжал я.

– «Андрей, мама больше не вернется».

– «С чего ты решила?» – в эту секунду я проснулся окончательно.

– «Она сама мне об этом сказала».

– «Кто сказал?»

– «Мама».

– «Когда она тебе сказала?»

– «Пять минут назад».

– «Дарена, ты шутишь?»

– «Нет. Она зашла в комнату вместе с легким теплым ветерком этой ночи и ласково так, шепча мне на ушко: „Я тебя люблю“, меня разбудила. Я захотела ее обнять и крепко прижать к себе. Она сказала, что ей тоже этого хочется, но, к сожалению, это сделать не получится. Однако мама тут же добавила: „Я всегда буду рядом, я всегда буду с вами. И пусть меня не получится ощутить физически, но со мной всегда можно будет поговорить. Ты можешь обратиться ко мне с любым вопросом, за любой помощью. И я обязательно помогу тебе и отвечу на твои вопросы. Просто обратись ко мне, обратись ко мне своим сердцем. И я, как бы далеко ни была, я обязательно услышу. А все ответы ты получишь или во сне, или в знаках, которые будут тебя окружать“».

– У меня мурашки бегут по коже, как будто она и сейчас рядом с нами, – сказал Андрей.

– А ты помнишь, как я спросила у нее: «Как я смогу понять, что именно этот знак будет ответом на мой вопрос?», – продолжила вспоминать Даша. И мама мне, так ласково улыбаясь, ответила: «А ты не думай об этом, просто верь, что ты все сделаешь правильно. Просто верь в себя, как я всегда верила, верю и буду верить в вас, самых дорогих людей в моей жизни. Твоя интуиция, Дарена, – твой помощник. Обращайся к ней как можно чаще и проси, если тебе нужна помощь. Пока ты молчишь, небо молчит в ответ. Как только ты попросила, вся Вселенная каждой своей бесконечной клеточкой стремится тебе помочь. Потому что, помогая тебе, Высшая Сила через тебя помогает и себе. Так как мы все часть одного целого и наша сила в единстве»».

Эта ночь стала для них с сестренкой ночью откровенья. С тех пор всегда, когда им было сложно или непонятно, что нужно делать, они просили маму или Высшие Силы им помочь, и ответы или помощь приходили с самых разных сторон, из самых неожиданных источников, так как они доверяли Творению и верили, что все, что случится, – наилучшим образом, во имя их Блага.

И эта же ночь дала им полное осознание и принятие того, что они больше никогда не смогут обнять маму, самого близкого и родного им человека, но, поняв это, они получили больше. Брат с сестрой получили бесконечную возможность быть с ней всегда рядом, общаясь сердцами и мыслями, общаясь на другом уровне сознания.

– Я все помню, Дашуля, и именно поэтому я и говорю тебе: как здорово, что ты у меня есть! – повторил ей Андрей.

Они уже приближались к Коста-дель-Соль. Каждый раз они могли бы избежать этой долгой дороги и долететь туда от Мадрида меньше чем за час. Но именно дорогу в шесть часов они ценили больше всего, ведь за это время им удавалось многое обсудить. Рассказать друг другу, что происходит в их жизнях, чем они сейчас живут и дышат, как складывается их личная жизнь, как продвигаются их профессиональные проекты, где они были и куда собираются отправиться в следующий раз. Это дорога делала их связь еще крепче.

С той ночи, когда Дашуля позвала его в свою комнату, они дали друг другу обещание, что будут много времени проводить вместе и разговаривать, что каждый из них поможет другому пережить потерю мамы и стать сильнее, ведь вдвоем с любым делом справляться явно веселее и легче. Эту связь и дружбу им удалось пронести сквозь года.

Именно Андрей всегда был первым, кто знакомился с парнями сестры, он был для них лакмусовой бумажкой. Понятно, что она сама принимала решение, чаще слушая свое сердце, при этом если брата что-то смущало в ее парне или он давал свои рекомендации, то Даша всегда к этому прислушивалась. И когда она ошибалась – а, будучи еще расцветающей молодой особой, делала она это часто, – так вот, даже когда она ошибалась, то шла к брату, убеждаясь в его мудрости не по годам. Поэтому именно ему она могла всегда поплакаться по любым ситуациям в своей жизни, даже подушка была не нужна, когда есть такой брат, помогающий ей взростеть. Старшему, Олегу, было некогда, он делал карьеру. Андрей же помогал ей делать уроки, иногда вместе с ней замазывал старательно двойки в дневнике, он даже ходил на ее школьные собрания.

– Совсем скоро будет мое любимое место на этом маршруте – маленькая церквушка на скалистом берегу. Вроде обычная испанская церковь, с несколькими обычными скамейками в ней, но, как часто бывает, в простоте спрятана истина, в этом здании есть что-то, что я не могу описать словами, меня тянет в нее, это одно из моих мест силы, – нарушил тишину Андрей.

– Ты продолжаешь пополнять свой список мест силы? – спросила его Даша.

– Конечно. Это помогает мне двигаться дальше, помогает даже в самых больших препятствиях видеть новые возможности.

– А почему именно эта, ничем не примечательная, на первый взгляд, церковь так тебя цепляет? – поинтересовалась у него сестра.

– Я сам долго об этом думал. Ведь каждый год мы проезжаем ее, и я прямо жду этого момента, еще садясь в машину в аэропорту. Там действительно для всех нет ничего особенного, но мне это не важно. Потому что для меня, пусть для единственного, она как причал на моем пути, где я могу пришвартовать свой корабль, немного приспустить паруса и отдохнуть. Завтра будут новые моря, новые испытания, а сегодня есть она, такая маленькая с виду, стоит на скалистом берегу, и каждый год море упорно подмывает этот фрагмент Земли, так

и норовя его поглотить. Но берег держится, волна не может его сточить, а на нем стоит она, церквушка моей силы.

– Через несколько минут мы к ней подъедем.

– Да, я чувствую это. Мне даже не надо GPS. Это внутренний, более мощный сигнал, который говорит: «Ты приближаешься ко мне. Я жду тебя. Твое место силы открыто и готово тебя напитать новой энергией. Готовь скорей свои батарейки».

– Как всегда, поставишь свечи? – спросила его Даша.

– Обязательно! Мне нравится их идея разноцветных свечей. Это придает ритуалу шарм и магию таинства. Зеленая свеча – за благосостояние, белая – за память, красная – за любовь, розовая – за детей, фиолетовая – за родителей, синяя – за новые возможности. Ты знаешь, я сам придумал ассоциации этим цветам и выбираю каждый раз их по зову сердца. Во всех церквях всегда белые свечи, а тут подходишь к алтарю, а там такое разноцветие, как будто кто-то радуго пролил, может, это и помогает немного скрасить серьезность момента. Ведь часто в церковь идут с грустными мыслями или бедами, а здесь заходишь – и на тебя смотрит яркая палитра. Пламя каждой свечи слегка колышется под морским бризом и разносится благодатью над морем, смешиваясь с солью перемен и, испаряясь, достается небу, звездам и Вселенной, откуда мы однажды на эту Землю и пришли. Бесконечность достигла своего начала и растворилась в конце, чтоб начаться снова, круг замкнулся.

– Какое место силы ты присмотрел себе на этот раз? – спросила Даша.

– Знаешь, я давно хотел попасть в Рио-де-Жанейро, к статуе Иисуса. Меня тянет туда уже много лет. Я хочу просто забраться на эту вершину ранним утром, пока еще первые лучи солнца не коснулись ступеней этой статуи, и сидеть там столько, сколько надо будет моему внутреннему «я», и пусть время на часах уже уснет, но я буду там, наполненный энергией и силой этого места. Я прислонюсь к ногам этого громадного изваяния своей спиной и буду смотреть на океан, и буду дышать, дышать этой вечностью.

– Летишь когда?

– Из Мадрида туда легко попасть, есть рейс каждый день. Поэтому я и подумал: а чего я жду? Завтра проведем эту встречу икс у него, и я снова свободен на целый год. Могу делать, что хочу, и не думать о плохом. Рио, встречай меня!

– Андрей, папа старается для нас, зачем ты так? Он много работал всегда, чтобы мы ни в чем не нуждались.

– Мне его старания не нужны. Мне нужен был он, я в нем нуждался. Но его не было.

– Ты же сам уже взрослый мужчина, ты понимаешь, как ему было тяжело, – не сдавалась сестра.

– Зачем сейчас ты его защищаешь, чего ты хочешь добиться? Ты хочешь, чтобы завтра я зашел на его виллу и сказал: «Папочка, я так по тебе скучал, я так тебя люблю»?

– Андрей, я хочу, чтоб ты был счастлив и жил в гармонии с собой.

– Я и так счастлив, и счастлив без него.

– Но он же твой отец, в тебе течет его кровь. Как можно быть счастливым, когда вы живете как два чужих человека? Отца как будто нет в твоей жизни, он как будто на параллельной планете.

– А почему ты спрашиваешь об этом меня? Я ему в космос билет не покупал, это был его выбор улететь навсегда. Я – его сын, а он – мой отец. Что он сделал для того, чтобы мы стали ближе? Что, я спрашиваю тебя Даша, он сделал для меня?

– Но как минимум родил тебя!

– Здорово, но мне этого мало. Передай ему спасибо!

– Ты сам можешь это сделать завтра.

– Но нет уж, избавь, пожалуйста, меня от этих любезностей. Хватит с меня этих встреч. Надо же было выбрать именно день, когда мамы не стало. Зачем он усугубляет и без того тяжелый день?

– Папа хочет, чтоб в тот день мы всей семьей собирались вместе и тем самым показывали маме, что мы помним ее и любим. Чтобы вся семья своим единением давала ей знак, что у нас все хорошо, чтоб она там была спокойна.

– Ты сама веришь в то, что говоришь? Какая семья, ты о чем, Даша? – спросил ее возбужденно брат.

– Андрей, наша семья: папа, Олег, ты и я.

– У меня такое впечатление, что ты задержалась в детстве. Дай мне свои розовые очки, я разобью их об камни реальности, и пусть они разлетятся осколками правды. Олег весь в своих делах, как чужой. Отец есть для меня в виде записи в свидетельстве о рождении. Только ты и две милые племяшки – вот моя семья, – не успокаивался Андрей.

– Я прошу тебя, ради нашей любви к маме, пожалуйста.

– Вот только ради любви к ней я и приезжаю сюда каждый год. Ты не представляешь, чего мне это стоит. За месяц до этой даты меня начинает тошнить от осознания, что надо ехать. Я пытаюсь придумать себе кучу отговорок и «важных» дел. Но в последний момент моя совесть меня побеждает, и я все отменяю, пакую чемодан и лечу сюда. Лечу, зная, что здесь будешь ты, и зная, что маме так бы хотелось. Лечу ради вас. И не более!

– А ты не пробовал лететь ради себя? Хоть раз?

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, дорогой брат, что, может, стоит хоть раз заглянуть внутрь себя и попробовать стать частью перемен, которых ты ждешь. Может, уже стоит сделать первый шаг. Переступить через обиды и, оставив их в прошлом, позвонить отцу и узнать, как у него дела. Как он себя чувствует. Между прочим, он уже не мальчик, ему давно за пятьдесят. Ты хоть раз узнал, как его здоровье?

– Я не пойму, ты сегодня решила вылить на меня весь запас своих нотаций? Избавь меня от этого, пожалуйста, – проговорил ей Андрей и в тот момент в первый раз в жизни подумал о том, что однажды его отца действительно может не стать.

Он представил себе, что больше никогда не надо будет ехать на эту виллу, напрягаться и строить из себя примерного сына.

Сначала ему стало очень радостно от этой мысли, но спустя уже несколько секунд нахлынуло новое, до этого неведомое чувство. Его накрыла пустота. И если в Тибете пустота считается очень хорошим состоянием, так как символизирует готовность личности принять в себя новые знания и возможности, то эта пустота была другая и своей необычностью слегка пугала. Впервые он осознал, что это ему не нравится. Ему не нравится жизнь на Земле, по которой уже не ходит его отец. Странное чувство, неожиданное чувство. Как будто оно не его. Он попытался от него отмахнуться как от назойливой мухи, но оно настойчиво жужжало и кружило в пространстве подсознания.

«Видимо, мне прилетела из Вселенной чужая эмоция, сбой в Космосе. Я так не могу чувствовать, какая мне разница, что завтра будет с отцом. Ему же нет до меня дела, что завтра будет со мной и вообще будет ли мое завтра». Осознав это, он решил припарковать эти новые ощущения на стоянке прошлого и вернуться в реальность. Туда, где его ждет встреча с отцом, который всем своим видом его раздражает.

– Андрей, я люблю тебя и люблю папу, – пронеслось устами Даши из реальности. – Я очень хочу, чтобы между вами все наладилось. Пожалуйста, на этой встрече попробуй. Обе-

щай, что постарайся не ругаться с ним и провести этот семейный день в мире и общении с близкими. Обещай!

– Я не могу тебе этого обещать. Потому что твое доверие для меня очень важно, как я могу обещать то, что не смогу выполнить. Я нарушу нашу связь.

– Андрей, прекрати быть ребенком. Все в твоих руках. Нет слова «не могу», есть только «не хочу».

– Ну надо же, а не рано ли моя младшая сестренка начала меня учить, мы поменялись ролями?

– Мы доехали, вот твоя гостиница, – сестра решила больше не усугублять эту тему. – Я не хочу ругаться. Завтра важный день для всей нашей семьи. Ты волен делать так, как захочешь. Ты – взрослый мальчик и сам знаешь, как тебе жить. Я просто хочу еще раз сказать тебе, что очень рада тому, что ты приехал. Я тебя сильно люблю. Как бы ты ни поступил завтра, ты останешься моим самым лучшим на свете братишкой.

– Спокойной ночи, Даренка. Люблю тебя.

– Приятных снов, Андрэ.

Понятно, что ни о каких снах речи быть не могло. Мало того, что он просто не сможет уснуть, постоянно думая о прекрасной незнакомке Софши, так еще и сестричка, молодец, взбредила незаживающую рану. Взяла и так заботливо, по-родственному насыпала мне туда соли несколько килограмм и исчезла.

«Подумай... ты взрослый мальчик... ля-ля-ля...» А он думал, когда я был еще незрелым мальчиком, когда мне нужен был отец, он прикладывал усилия, он помогал мне возмущаться? – возмущался он внутри себя. Что он давал? Только деньги, деньги и еще раз деньги. Каждый листик этих бездушных купюр заменял мне улыбку отца, его твердое рукопожатие, его мудрый взгляд. Все это прошло мимо меня, как будто я был наказан отсутствием его любви. Как он не мог понять, что это бесценно.

Я могу по пальцам сосчитать, сколько дней мы провели вместе. Каждый раз, когда мы все-таки куда-то собирались вдвоем, это заканчивалось руганью. Невозможно узнать ребенка, если ты его познаешь набегами, если ты его ставишь в свой график между деловыми встречами, зваными ужинами и прочими «крайне важными мероприятиями». Его волновало только то, какие у меня отметки в школе, универе, какие у меня успехи в спорте, важно только то, чтоб все говорили, какой у него сын: правильный и образцовый, такой же, как старший. Не дай бог, средний испортит картину идеального отца с его идеальными детьми.

А он портил. Бросал вызов и ломал все стереотипы. Уходил из универа, потому что не хотел быть юристом или доктором, лишь потому, что это престижно. Плевал на оценки с высоты Эйфелевой башни, потому что никогда не считал, что из-за двойки по физике или химии его жизнь закончится и он станет неудачником. Однако Андрей всегда прикладывал усилия и в целом учился хорошо.

Но если на его пути попадался преподаватель, который сам не любил то, что делал, или еще хуже – не понимал ничего в том, что говорил, то он терял в его глазах авторитет окончательно. Его предмет также становился ему неинтересен. Редко бывало так, конечно, что он сам мог разжечь в себе огонь познания.

Но чаще в том возрасте об этом не думают, и важно, чтобы твой учитель был от Бога. Важно то, чтобы он верил сам в то, что преподает, чтобы его внутренний пожар знаний зажег открытые молодые и еще зеленые умы, чтоб он умел вдохновлять на исследования и любознательность. Таких учителей у него было немного, но все же жизнь ему дарил эти встречи, и эти люди вызывали у него всегда уважение, а их предметы были его самыми любимыми.

Но Андрей знал, что отцу его внутренние переживания и борьба за справедливость были неважны, нужен был только табель на отлично. Ведь сын успешного мужчины не может быть троечником или, еще хуже, двоечником, никогда и ни за что!

«Мне стыдно за твои оценки», – говорил ему отец, листая дневник.

«А мне нет», – с вызовом отвечал ему Андрей.

«Как ты не понимаешь, знания – это твой фундамент, твоя основа в жизни».

«Я это понимаю, но для начала я хочу понять себя и найти свое предназначение в этой жизни, после чего я уже решу, какие знания и навыки мне для этого потребуются».

«Это глупость, – заявлял тогда отец. – Есть необходимый багаж знаний, твоя основа, ты должен на ней крепко стоять».

«Это не так, – продолжал спорить сын. – Зачем мне, к примеру, знать всю таблицу Менделеева, если завтра она мне не понадобится. Зачем мне зубрить все законы физики, если они не работают в моем мире. Зачем мне знать бесконечные математические формулы? Зачем... зачем... зачем?»

«Ты еще молод и горяч в своих выводах. Даже если сегодня тебе кажется, что физика и химия – это не твое будущее, даже если сегодня ты думаешь, что все про себя уже узнал, то я тебе скажу, что это не так. Жизнь течет и меняется как вода, никогда поток не спросит у камня разрешения проложить свой путь, он просто снесет камень с дороги. Такой уверенный и упертый камень, считающий, что он здесь лежал сто лет и будет лежать еще двести, потому что он КАМЕНЬ, будет смыт и сточен водой, как только она до него доберется.

Жизнь любит гибкий подход к ней. Завтра полно новых возможностей, и чем больше знаний, опыта и навыков у тебя за спиной, тем больше шансов у тебя все эти возможности взять и использовать. Поэтому, когда ты учишься на отлично, то воспитываешь в себе упорство и усилие. И ты понимаешь, что в жизни иногда бывает непросто, иногда надо напрячься, иногда надо проявить дисциплину. И это помогает тебе в будущем достигать новых высот, покорять новые вершины и быть победителем!»

Андрей во многом с ним спорил, но в этом молчаливо соглашался. Отец научил его плавно подходить к любым задачам. «Нет нерешаемой задачи, есть только чуть более сложное и долгое ее решение», – его слова, поселившиеся в нем и выковавшие его характер.

«Неважно, какое препятствие приготовила жизнь на твоём пути, неважно, каким трудным оно тебе кажется, – говорил отец. – Если ты веришь в себя и превращаешь проблему в задачу, составляешь план действий и поэтапно, как бы тяжело ни было, начинаешь задачу решать, то рано или поздно ты ее решишь. А решив ее, ты подойдешь к финишу совсем другим, нежели ты был на старте, ты подойдешь победителем. Потому что ты смог победить свое «не могу и не хочу», ты смог это сделать собственными усилиями и действиями. В такие моменты ты понимаешь, что тебе все по плечу, стоит только захотеть и начать действовать».

В нашем мире бесконечных начинаний очень мало людей доводят дело до конца. Сын, стань тем, кто это делает всегда. Стань тем, кто каждое свое начинание, несмотря ни на какие сложности, реализует в полной мере. Возможно, сделав это, в конце очередного пути ты поймешь, что это тебе было не нужно, но ты точно этого не узнаешь, если не сделаешь этого. И, скорей всего, ты будешь много раз сожалеть в дальнейшем, что не сделал, не довел, бросил на полпути. А затем это войдет у тебя в привычку, привычка станет твоим характером, а твой характер – это ты.

Поэтому, Андрей, – говорил он ему, – если хочешь себя найти, то я желаю тебе этого, ты всегда можешь обращаться ко мне за помощью. Но знай, что пока ты ищешь себя – учишься. Все: хорошее и плохое, все, что дает тебе жизнь, принимай это как урок. Чем большими навыками ты будешь владеть в разных сферах, тем сильнее ты станешь. А для того, чтобы огонь познания всегда горел в тебе, научись в каждом деле видеть что-то хорошее. Даже в самом

паршивом деле всегда можно найти плюсы. Учись, сын, и, возможно, это один из основных уроков, которые нам приготовила жизнь».

«Сегодня очень странный день, – подумал Андрей. – Сначала я осознал, что не хочу принимать факт, что отца когда-то не станет, и не просто это осознал, а понял, что с этим «не станет» как будто и я стану уже не целым, как будто моя жизнь изменится. А сейчас вообще невероятное, впервые я нашел в своем прошлом и в отношениях с отцом что-то хорошее, чему он меня научил.

Мне всегда казалось, что его не было в моей жизни, даже в те минуты, когда меня могло не стать, и я всегда считал, что он ничего не давал мне, кроме престижного образования и бытового комфорта. Возможно, это эгоистично и нагло, но этого мне было мало. Однако сейчас, в этот миг настоящего, я осознал, что есть кое-что, за что я могу его благодарить.

Удивительно! Это все незнакомка, она как будто перевернула меня и мою жизнь с ног на голову. Я не знаю, куда меня это приведет, но мне начинает все это нравиться!»

Эти мысли застали его на балконе номера отеля, откуда открывался потрясающий вид на море. Он очень любил этот отель и бронировал заранее всегда именно этот номер, потому что только у него был такой балкон. Балкончик по размерам был как отдельная комната, там он заваливался на уютную софу и наблюдал безграничный горизонт уходящего солнца.

Погружаясь в эти каждый раз неповторимые закаты, он очень много думал о своей жизни и рисовал свои цели на небе, представляя, как они растворяются в лучах и уходят за горизонт, а дальше Вселенная собирает их в свое лукошко и заботливо несет их ввысь, туда, где им суждено стать реальностью и пролиться на его жизнь новыми возможностями и победами.

А еще он обожал этот номер, потому что с утра мог проделать всю первую серию аштанга-йоги, находясь под небесами. Йогу он открыл для себя около семи лет назад и, попробовав много из различных методов, остановился на классике. Из всех направлений аштанга оказалась для него самой мужской, самой динамичной, самой активной и самой вызывающей.

Каждое занятие она бросала ему вызов: придешь, сделаешь или сорвешься, полениться?! Она всем своим комплексом твердила «хлюпикам здесь не место, я, как и Москва, слезам не верю. Хочешь продвижения – заплати. Отдай мне свои упорство, терпение, выносливость и настойчивость».

Аштанга была похожа на типаж женщин, которые заставляли сердце Андрея биться ускоренно. Она, как и эти милые создания, была, на первый взгляд, норовиста, колюча, строга и непреклонна – закрытая дверь, которая на самом деле так и ждет, чтобы просто к ней подошел тот, кто достоин ее открыть. И спустя время дверь сначала приоткроется, но в дальнейшем, если ты останешься верен выбранному пути, она распахнется во всю ширь – и в ответ ты получишь безграничный поток света, энергии, силы. Это будут ощущения, которые лежат выше общедоступных наслаждений, это будет подарок Вселенной.

Однако пока подарками его мало кто баловал. Все чаще приходилось доказывать, что ты стоишь у этой двери не зря, что ты – не случайный прохожий. Что путь, который ты выбрал, подсказали тебе сердце и твоя интуиция. И когда его друзья смеялись над ним и говорили, что он проводит время «в балетном зале в постоянных потягушках», он предлагал им прийти хоть раз на полную первую серию аштанги, чтобы выползти оттуда через два часа полностью мокрыми.

Именно это происходило с ним каждую практику, притом что со спортом он всегда был на «ты». Просто он понял, что йога помогает человеку добираться до самых глубин своего тела и подсознания. На следующий день всегда болели мышцы, но это была боль осознанная, боль развития. Ведь рост физический или личностный не удобряется комфортом, он требует от человека усилий, но ему это нравилось. Каждая прожитая им практика дарила ему уважение к себе и уверенность в собственных силах.

Он долго собирался начать практиковать йогу, его к ней очень сильно тянуло. Иногда ему казалось, что он про нее все знает, что он тысячу раз выполнял эти асаны. Как будто каждая клеточка его тела, обладая мышечной памятью прошлых воплощений, трепетала и предвкушала тот день, когда он первый раз расстелит свой коврик. Расстелит его в настоящем, здесь и сейчас.

Их любовь с йогой была очень рваной и непростой. Иногда ему просто приходилось себя туда запихивать, иногда он летел туда, будто крылья за спиной расправились, долго находясь сложенными. Особенно были ценны те дни и занятия, когда его тело сопротивлялось, но он находил в себе силы и приходил на практику. Иногда через сопротивление, иногда через небольшую боль, он начинал практиковать и по окончании проникался к себе большим уважением, он гордился собой.

И если в начале своего романа с йогой часто приходилось себя уговаривать хоть на еще одно свидание, то со временем он просто уже не мог без нее жить. Аштанга стала для него йогой потока. Подхваченный дыханием и мощной практикой на два часа, он возвращался на землю всегда другим: более спокойным, более рассудительным, все вопросы получали свои ответы.

Комплекс Сурья-намаскара стал неотъемлемой частью его жизни, и вся первая серия непременно была включена в его расписание, где бы он ни находился. И если сначала он относился к йоге как к набору полезных для осанки и здоровья упражнений, то с каждым новым погружением его все больше и больше затягивала духовная составляющая асан.

Он выяснил, что вся последовательность аштанги не просто делает его тело атлетичнее, сильнее, выносливее и здоровее. Он начал ощущать каждой своей клеточкой, что, находясь в той или иной асане, он запускает как будто какую-то программу, как будто настраивается на канал Вселенной. И через него проходят миллионы энергий, тех, которые помогают ему в дальнейшем принимать правильные решения и достигать поставленных целей.

Одной из его любимых асан была поза героя вторая. Часто ему удавалось достичь в ней состояния, когда дыхание, расширяясь в груди, через руки как канатами растягивает его, и еще чуть-чуть – и их длины хватит, чтоб обнять весь шар, который кто-то когда-то назвал «Земля». Однако самыми ценными остались те асаны, которые ему не давались, поэтому в них он старался остаться больше, чем на пять дыханий. Продышать и прочувствовать новый опыт. Как и в жизни, что нам сначала приносит дискомфорт и что требует от нас выхода из зоны комфорта, в дальнейшем становится нашей колоссальной возможностью и дарит нам палитру удовольствий.

Изучая детали йоги, он узнал, что вся последовательность, по большому счету, это закодированная формула долголетия и успеха. И чтоб это получить, от нас требуется так мало: постоянная практика. Но все простое часто человеку дается очень сложно, поэтому так мало задерживаются здесь. Андрей же решил для себя, что он не выбирает, его выбрала йога сама, поэтому он, как истинный джентльмен, не может даме отказать.

Была в йоге одна деталь, которая его просто завораживала, – это глубокое дыхание. Когда-то он прочитал философскую мысль о том, что человеку отмерено не количество лет, а количество вдохов и выдохов. Поэтому он поставил себе задачу научиться дышать медленно и глубоко, при этом еще важно было соблюсти баланс между длиной вдоха и выдоха. Часто люди, находясь в стрессе, гневе или раздражении, волнуясь или возбуждаясь, теряют контроль и учащают свое дыхание, тем самым, как считал он, укорачивают свою жизнь.

Андрей решил, что он научит себя дышать долго, глубоко, дышать так, как будто в нем живет океан. И его волны то наполняют его своим прибоем, то опустошают на отливе. Но отлив не конечен, потому что за ним всегда идет новая, более мощная волна. Этой теплой летней ночью он так и не добрался до спальни, заснул прямо на балконе под шум волн и свет

звезд. Заснул на несколько часов, чтобы набраться хоть немного сил для завтрашнего дня, непростого дня его жизни.

Проснулся он от прикосновения первых лучей солнца, они так нежно и тепло скользили по его щеке, пробираясь сквозь щетину, что на секунду ему показалось, что пришла мама и своей ладошкой будит его. Смахнув с себя остатки нереальности, Андрей начал день с практики и в перевернутых позах сегодня задержался. Он долго шел к тому, чтобы раскусить соль йоги – эти перевернутые асаны. Сначала он вообще не понимал, как можно получать удовольствие от стоек на голове и руках. Все тело дрожит, шатается, дунь на тебя, и ты свалишься. И он падал сотни раз, было дискомфортно и больно.

Но однажды ему удалось задержаться на голове и удержат равновесие, и в эту секунду он как будто узнал себя нового, как будто кто-то взял его ноги сверху и держит, как елочную игрушку, а ему так комфортно там и так устойчиво, что сложилось ощущение, что так можно стоять вечность. И как только он об этом подумал, то тут же упал. Йога не терпела мыслешатания, она требовала быть здесь и сейчас. Не думать, а быть!

Шаг за шагом к стабильной ширшасане прибавилась и стойка на руках, повысив существенно его планку уважения к себе. Он любил теперь эти позы и понимал, почему пять лет он монотонно выполнял всю первую серию аштанги, чтобы подготовить тело, чтобы он был уверен, что, находясь в перевернутых позах, он будет в полной безопасности и не навредит своим максимализмом себе. Ему нравилось стоять именно на этом балконе, еще бы, ведь здесь было стеклянное ограждение, и получается, что, стоя на голове, он мог все видеть. Он как будто стоит на горизонте моря, а его ноги уткнулись в синеву неба, и там его пятки изредка щекоцут облака.

Закончив с йогой и приняв контрастный душ, при котором на его тело лились холодные струи воды со словами «я здоров», он был готов к новому дню, непростому дню своей жизни. Именно в этот день не стало его самого близкого человека. Ему было всего двенадцать. В этом возрасте хочется весь мир послать куда подальше. Все кажутся такими болванами, не понимающими тебя. Все как будто ничего не слышат и не видят. И конечно, в таком переходном возрасте он вообще был не готов понимать и принимать тот факт, что мамы скоро не станет.

«Сынок, мой герой, я хочу с тобой поговорить как со взрослым человеком», – начала она однажды свой монолог в день, на первый взгляд, ничем не отличающийся от других. Он стал судорожно вспоминать, что он натворил и за что ему сейчас достанется. Мама в принципе ругать не умела, настолько она была полна любви и всегда считала, что ее, любви, для ребенка много не бывает. Но иногда ему все же от нее доставалось и доставалось тем, что он больше всего ценил. Его лишили общения.

Разговоры с мамой по душам были для него самым ценным в его жизни. Говоря с ней днями и ночами, он мог рассказать ей все, она, как правило, просто слушала и мудро молчала. А если чувствовала, что надо оставить в этом диалоге след своего комментария, то делала всегда это очень корректно и дозированно, «родитель» включался в ней как-то незаметно и так же незаметно исчезал, потому что чаще всего это была беседа двух родственных душ, сквозь время и реинкарнации.

А если же Андрей делал что-то не очень хорошее или совсем нехорошее, то она всегда начинала с этих слов: «Я тебя очень люблю...», далее добавляла: «...при этом в данной ситуации ты поступил, по моему мнению, неправильно и недостойно поведения юного джентльмена, потому что...», затем уточняла, что «ей было неприятно это узнать от других людей, потому что не так страшен поступок, так как всю жизнь мы все учимся и совершаем ошибки, гораздо страшнее, если мы их не видим, не признаем и не предпринимаем усилий все исправить...».

После этого следовало, что «в следующий раз мне бы хотелось, чтобы если что-то произошло, то мой сын сам первый мне об этом рассказал и либо исправил ситуацию сам, как минимум извинившись перед тем, кому сделал нехорошо, либо попросил меня о помощи в решении, и я с удовольствием помогу советом или делом...», и напоследок шла тяжёлая добивающая артиллерия: «но так как в этот раз этого не произошло, то я с радостью дам своему ребёнку урок и проведу час, день или неделю в тишине» – это зависело от того, как сильно я провинился.

Конечно, неделю она никогда не молчала, но даже минута без общения с ней была вечностью, и его мудрая мама это знала. Как же ему было тяжело в этом молчании, и каким это было уроком для него в следующий раз. Потому что он все равно сделает еще кучу ошибок, и его мама это прекрасно понимала и совсем не хотела его от этих ошибок защитить или помочь их избежать.

Самое важное, чему она его научила, так это открыто, с поднятой головой сначала свои ошибки признавать, иметь силу за них извиняться и, конечно, прикладывать максимум средств для их исправления. «Только такое поведение делает мужчину таковым, не его громкие слова, а его тихие дела», – говорила ему часто мама.

При этом сколько бы Андрей ошибок ни сделал, она ни разу не назвала его оскорбительно, ни разу его не унизила. Она всегда говорила о своих чувствах и тем самым научила и его главному секрету общения с людьми: «Говори больше о своих ощущениях, если тебе что-то не нравится, скажи об этом человеку прямо в лицо. Но старайся никогда не говорить плохо о других людях, тем более за их спиной. Если не можешь сказать о человеке хорошо, лучше промолчи».

Так вот в один из, как ему казалось, обычных дней его еще небольшой и, собственно, ничем не примечательной жизни двенадцатилетнего слегка прыщавого подростка состоялся их диалог, который оставил глубокую царапину на стеклах его жизни.

И чем бы он ни пытался оттереть или затереть эту царапину, она въелась так глубоко и всем своим видом показывает ему до сих пор несовершенство этого мира.

Сейчас, вспоминая этот день, он четко понимал, что это был даже не диалог, это был ее монолог, потому что после того, что она сказала, его слова застряли в горле и так и не смогли они в тот день прорваться во внешний мир. Они стали гербарием его чувств, которые он долго еще не разрешал себе прожить.

«Сынок, я не буду ходить вокруг да около, – начала тогда она с этих слов, – я больна. Причем больна очень сильно и неизлечимо. Я скоро уйду. Это вопрос лишь времени, со своей стороны я обещаю сделать все, чтобы это время растянуть. Я постараюсь сделать так, чтоб в сутках было двадцать пять часов и восемь дней в неделю, я постараюсь время усыпить. Но оно хитрое, оно чутко чувствует, когда пора. И обманывать его можно, но сложно это делать долго. Поэтому я прошу тебя быть сильным и мудрым не по годам. Я знаю, что прошу у тебя очень много, но я бы не просила, если б не верила в то, что ты справишься».

Жизнь такая забавная штука, никогда нельзя быть уверенным в том, что завтра будет так же, как вчера. Ведь правду говорят: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Я тоже его смешила, мечтала, что погуляю на свадьбе своих детей, буду нянчить внуков, проеду весь мир... а Он решил, что хватит, пора домой. Знаешь, я даже нашла в этом плюс – седина никогда не ляжет на мои виски, словно первый и неожиданный снег октября, в моей жизни для нее не будет места, я уйду раньше, еще более неожиданно для нее. Но, уходя, я хочу знать, что каждый из вас, моих детей, понимает, как дороги они мне. В каждом из вас есть частичка моей любви, моей безусловной любви к вам.

Когда я носила тебя под сердцем, Андрей, врачи меня пугали сложной беременностью и угрожали отказаться от тебя, сделать аборт. Когда я не согласилась на их уговоры, они

стали настаивать и запугивать меня. Но я верила, что если Высшие Силы дали мне шанс стать мамой снова и если ты выбрал меня там, в Космосе, то вы не могли ошибиться. Пусть врачи ошибаются. И до последнего я верила, что все будет хорошо, сменила больницу и врачей, и в итоге появился на свет здоровый мальчик, а все их страшилки достались на обед этим врачам.

Поэтому когда мне сказали, что меня скоро не станет, я ответила доктору уверенно – это ваша ошибка. У меня есть муж и трое деток, я им нужна. Они без меня не смогут. Но, видимо, здесь уже ошиблась я. А ошибки, сынок, как ты помнишь, надо признавать. Видимо, есть силы на Земле и люди, которые вам помогут достойно пройти свои уроки без меня, видимо, так надо, если ничего уже не изменить».

«Прекрати, – закричал тогда он, – я не хочу этого слышать. Этого не может быть. Это ложь. Это не со мной. Я не верю».

В тот день Андрей просто убежал из дома и вернулся поздно, когда все уже должны были спать. Все и спали, только мама не спала, она боролась со временем, надеялась, что он зайдет к ней, поймет и простит. Разве была она виновата в том, что ей приготовила судьба, и разве могло юношеское сердце все это понять? Однако слишком много прекрасного было за эти года, и это нельзя было позволить растерять в последние минуты и часы.

Она понимала, что, уходя, оставляет после себя самое главное: вместе с мужем им удалось стать проводником в этот мир трех прекрасных детей. Все они были разными, при этом одинаково любимыми. Она каждую секунду, что дарила ей оставшаяся жизнь, благодарила Высшие Силы за счастье быть мамой, женой, дочкой, сестрой и тетей. Подумаешь, успокаивала она себя, не примерила всего лишь одну роль в театре жизни, не побыла бабушкой, но это такие мелочи.

С Олегом, как и предполагалось, разговор прошел более конкретно и сухо, он был не так восприимчив. Дашулю приняли решение не травмировать так рано. А с Андреем получилось так, что хлопнувшая за ним дверь оборвала их беседу, оставив кружиться в воздухе перемен недосказанные слова, но она его простила, так как понимала, как ему тяжело: он только начинает свой путь и вынужден стать свидетелем большой драмы ее семьи.

После этого прерванного разговора с мамой ему уже больше не удалось с ней поговорить один на один. Ее состояние стало стремительно ухудшаться. Как потом Андрей узнал, когда мама ему все рассказала, это была последняя стадия рака. Врачи давали ей всего пару месяцев. Она же, как и обещала, смогла взять у времени кредит и еще почти полгода провела со своей семьей. Это были очень тяжелые месяцы. Ему казалось, что это была вечность. Он только помнит сменяющихся врачей, госпитали, палаты. Запах таблеток и спирта пропитал всю его одежду, его до сих пор воротит от него.

Бесконечные химиотерапии, и если бы не деньги отца, то полный отказ от нее врачей. Но эти купюры творили чудеса, медицина распахивала перед ними двери, им были рады везде, только плати, плати и еще раз плати. Мама за эти полгода изменилась до неузнаваемости, как будто тело подменили, но он в любой момент мог ее узнать по улыбке. Всегда улыбающаяся, сквозь боль и страдания. Искреннее «спасибо» переполняло ее, словно чащу, и разливалось по холодным, сырým и безразличным коридорам больницы, выливалось сквозь щели на улицу и наполняло светом этот мир.

Он дал себе обещание пронести ее улыбку сквозь года, она стала его путеводной звездой. Когда в его жизни все очень плохо и его накрывает волна депрессии, он просто улыбается, как улыбалась мама до последнего вздоха. И через эту улыбку он оживает снова.

«Улыбайся, сынок, как бы тяжело тебе ни было. Улыбайся и благодари жизнь за каждое мгновение. За то, что ты можешь слышать, видеть, трогать, дышать, чувствовать. Благодарю жизнь за то, что ты открыл сегодня глаза, у тебя есть руки, ноги и голова, чтобы

встать и идти, и делать свой мир таким, каким ты хочешь. Благодарю жизнь за людей, которые встречаются на твоём пути.

Помни, что в первую очередь это не друзья и не враги, помни, что каждый человек в твоей жизни – учитель, так же, как и ты в чьей-то. Будучи частью одного целого, мы помогаем друг другу стать лучше. Часто самые сложные уроки дают нам близкие люди, мы платим за них дорого, но и плод наших усилий в дальнейшем многого стоит. Начинать свой день и заканчивать его словами благодарности. Просто говори как можно чаще «спасибо», не скупись на него, по любому поводу говори, и ты увидишь, сынок, как легко тебе будет жить».

Это были последние её слова, словно птицы, сорвавшиеся с губ и полетевшие в бесконечность. Слова, сказанные между состояниями жуткой боли, полубреда и рваного сна. Лишь ненадолго болезнь ослабляла свои клешни, и тогда к нему возвращалась его мама, самая лучшая мама на свете.

Сегодня пятнадцать лет, как её не стало. Отец каждый год в этот день собирает всю семью у себя на вилле в Испании. Ему кажется, что это всех должно сплавивать и объединять. «Возможно, – думал Андрей, – он пообещал маме, что будет за нами присматривать».

Он ненавидел эти встречи. И предпочёл бы этот день провести наедине с собой. Просто погрузиться в воспоминания о маме, побыть в них, растворить себя в том хорошем, что подарила ему жизнь рядом с ней. Но нет, он вынужден был ехать и садиться за этот стол, есть этот семейный обед, рассказывать о себе, слушать о других, в общем, играть роль правильного сына образцового отца.

Конечно, прошло уже много времени, и их встречи не носили траурного оттенка. Андрей, побывав в Азии и окунувшись в их религию, изменил свое отношение к смерти. Мама, кстати, не любила видеть их грустными, уходя, она просила не плакать о ней и верить, что все к лучшему. Они и старались не плакать все эти пятнадцать лет.

За столом всегда вспоминали веселые моменты, совместные путешествия и дни рождения. На первых годах под эти воспоминания немного слез все же набегало на ресницы, так как приходило осознание, что все уже в прошлом, а в настоящем таких картин счастливой семьи не будет. Но потихоньку время залечило раны и научило всех жить без мамы и жены.

«Пусть все сложится наилучшим образом в наилучшее для меня время к Всеобщему благу», – сказав традиционные утренние слова-мантры, Андрей хлопнул дверью своего уютного отеля и отправился в новый день, день, полный приключений и неожиданностей. Особый день, требующий от него много сил и терпения. Отель находился совсем близко к вилле отца, поэтому Андрей, как ни оттягивал время встречи с ним, оказался на месте уже через несколько минут. Естественно, он был последним и, по доброй традиции, опоздавшим.

Сжавшись как пружина, он нажал на звонок. Он понимал, что этого ему не избежать. Настроиваясь каждый раз, он проигрывал себе и своему обещанию быть «хорошим» сыном. «Ну что тебе стоит, – часто повторял он себе, – всего одна встреча в году. Все остальное время только по телефону, и то по редким датам. Неужели так трудно напрячься». Проводил он с собой такие аутотренинги, начиная с весны, а с приходом лета – все чаще и чаще.

Но себя ведь невозможно обмануть. Можно долгое время делать вид и не слышать себя истинного, но рано или поздно это закончится. И жизнь выставит счет, и придется заплатить большую цену в виде одиночества и болезней. Ведь только познав себя и определив, что в первую очередь тебя делает счастливым, можно в дальнейшем сделать мир вокруг и людей рядом счастливыми. Но все начинается с тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.